

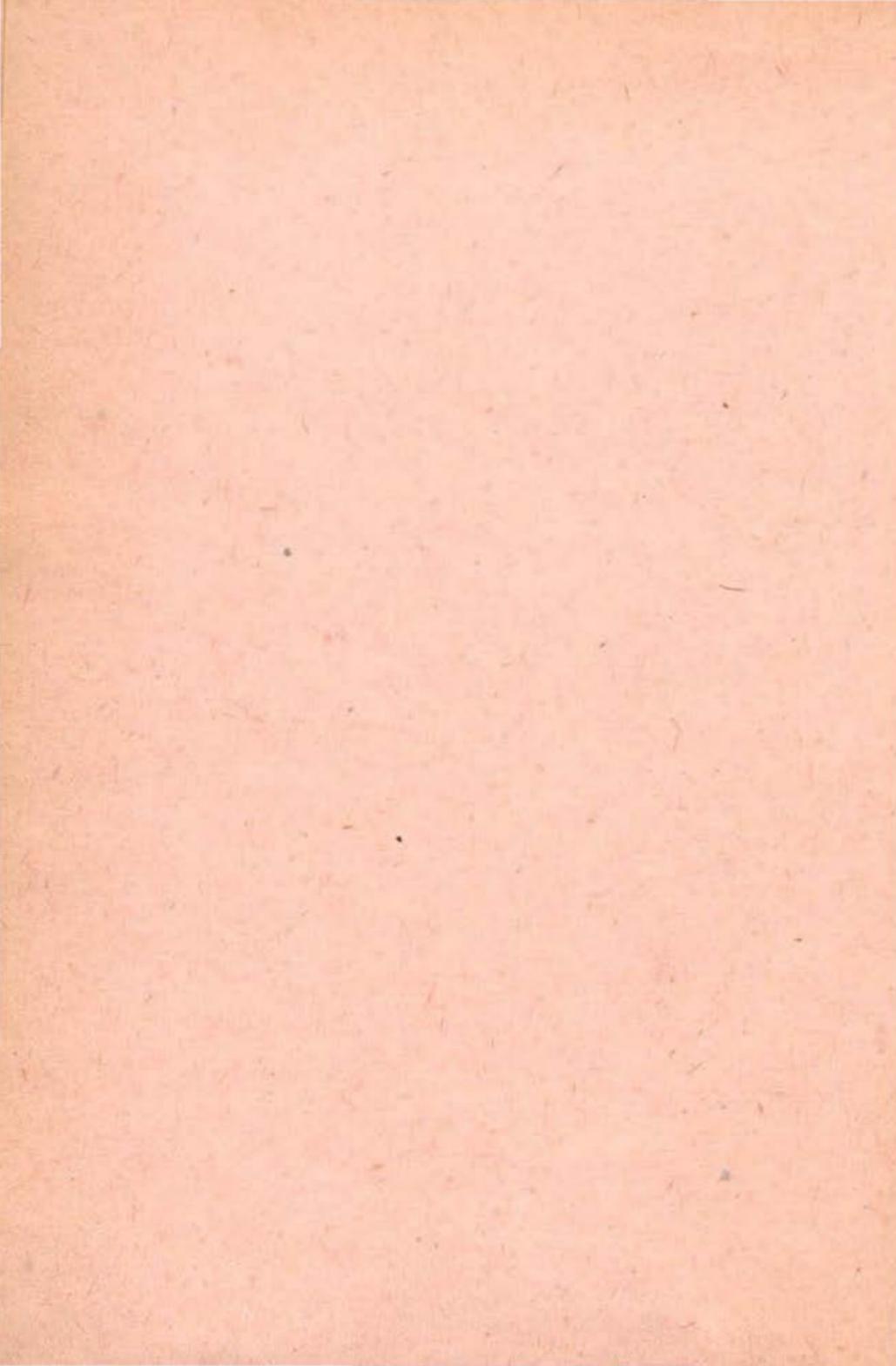
ВЕДЕКИНД

МИНЕ-ГАГА

A $\frac{191}{791}$

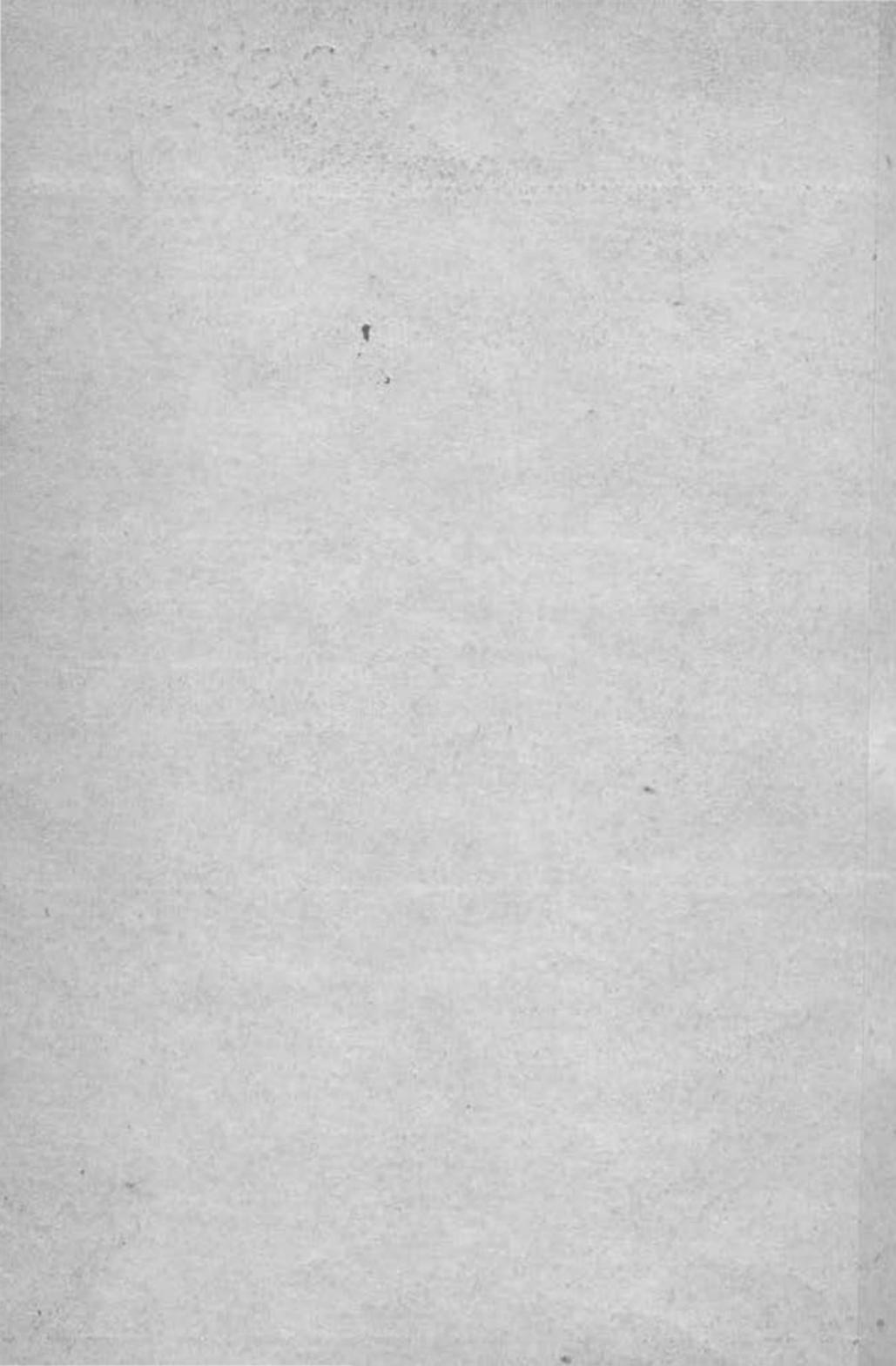
А 191
491. Франкъ Ведекиндъ.

Мине-Гага

или

О физическомъ воспитаніи
молодыхъ двушекъ

А 191
791.

О физическомъ воспитаніи
молодыхъ дѣвушекъ.

МИНЕ=ГАГА

ИЛИ

О ФИЗИЧЕСКОМЪ ВОСПИТАНІИ МОЛОДЫХЪ ДѢВУШЕКЪ.

Изъ литературнаго наслѣдста Елены Энгель.

ИЗДАНО

Франкомъ Ведекиндомъ.

Переводъ съ нѣмецкаго П. Б.
подъ редакціей Э. Бескина.

МОСКВА.

1900

2011137054

Возвращаясь на прошлой недѣлѣ къ себѣ домой, я у воротъ былъ остановленъ городовымъ, который разрѣшилъ мнѣ войти во дворъ только послѣ того, какъ я показалъ ему адресованное на мое имя открытое письмо, какъ доказательство, что я жилецъ этого дома. На дворѣ стояла кучка людей челоѣкъ въ двадцать, шепотомъ обмѣнивавшихся своими впечатлѣніями и замѣчаніями.

Моя сосѣдка по комнатѣ, Елена Энгель, восьмидесятилѣтняя старушка, получавшая учительскую пенсію, бросилась изъ

четвертаго этажа и разбилась до смерти. Присутствующіе не могли допустить и мысли, что здѣсь произошло хладнокровно обдуманное самоубійство и скорѣй всего были склонны приписать случившееся умственному разстройству, признаки котораго послѣднее время замѣчались у старушки и выражались въ припадкахъ страха, замѣшательства и экзальтаціи. Черезъ нѣсколько минутъ во дворъ въѣхала карета скорой помощи. Послѣ того какъ врачъ констатировалъ смерть, наша хозяйка сочла самымъ разумнымъ немедленно отправить трупъ несчастной въ покойницкую.

Приблизительно недѣли три до этого случая покойная какъ-то остановила меня въ корридорѣ со словами:

— Я недавно прочла вашу драму „Пробужденіе весны“. Разрѣшите мнѣ показать вамъ кое-что, написанное мною много лѣтъ тому назадъ на эту же тему.

Она пригласила меня въ свою комнату, достала изъ нижняго ящика шкафа раску-

поренную бутылку краснаго вина и налила двѣ рюмки. Рукопись, къ которой я присоединяю это предисловіе, лежала у нея на письменномъ столѣ.

Она рассказала мнѣ, что выросла въ очень богатой семьѣ. Семнадцати лѣтъ вышла противъ воли своихъ родителей замужъ за бывшаго офицера-вдовца, котораго она боготворила еще будучи подросткомъ.

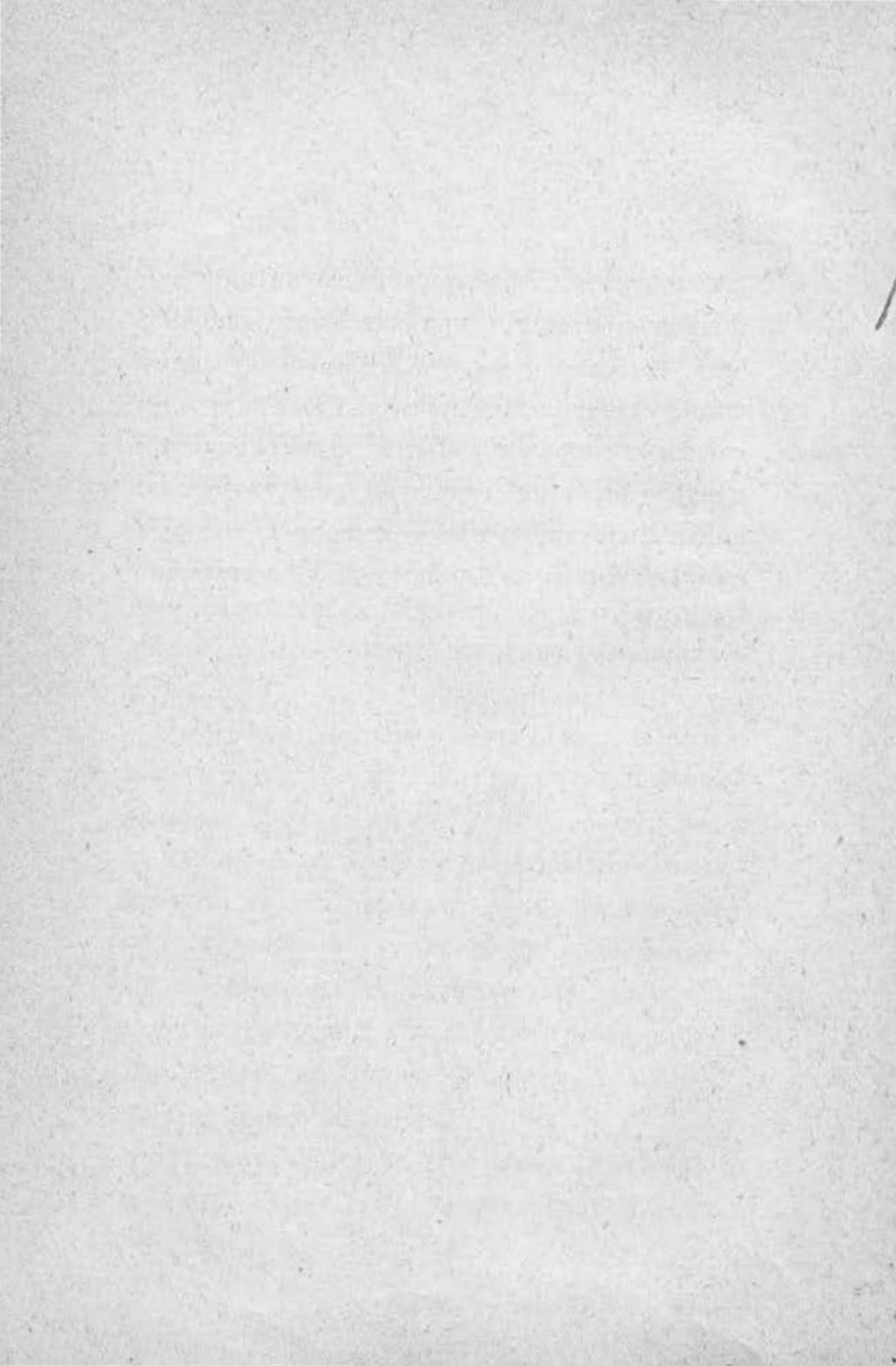
Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ она родила троихъ дѣтей, которые потомъ выросли способными и дѣльными людьми. Всѣ они теперь отошли уже въ лучшей міръ. Черезъ пять лѣтъ послѣ свадьбы мужъ ея началъ пить. Она бѣжала отъ него съ однимъ молодымъ архитекторомъ въ Америку, гдѣ вскорѣ очутилась въ такомъ положеніи, что должна была своимъ собственнымъ трудомъ добывать средства къ существованію для себя для и своего возлюбленнаго. Она рассказывала мнѣ, что сначала служила горничной, затѣмъ сестрой милосердія, и, наконецъ, учительницей. Въ это время она сошлась съ

однимъ талантливымъ музыкантомъ, игравшимъ на рояли въ „Мелодіонѣ“ и разныхъ другихъ кафешантанахъ. Послѣдующіе годы своего пребыванія въ Америкѣ она провела въ Бразиліи. Здѣсь она обучала дѣтей индѣйцевъ и научилась ѣздить верхомъ на неосѣдланныхъ дикихъ лошадяхъ прерій не хуже любого сына степей. Эта пора ея жизни, какъ мнѣ казалось, была ея самымъ дорогимъ воспоминаніемъ.

Въ 1871 году она прочла въ „Gartenlaube“, что мужъ ея умеръ геройской смертью при Гравелоттѣ, и она вернулась въ Европу. Родителей ея уже давно не было въ живыхъ. Послѣ революціи они потеряли все свое состояніе и умерли почти одновременно въ безотрадномъ одиночествѣ. Она же стала заниматься частными уроками, а впослѣдствіи получила мѣсто учительницы высшей женской школы.

Рукопись эта, какъ мнѣ кажется, достойна, того, чтобы быть опубликованной. Под-

заголовокъ: „О физическомъ воспитаніи молодыхъ дѣвушекъ“ принадлежитъ, конечно, мнѣ. Я счелъ нужнымъ его прибавить, такъ какъ, сознаться, надпись „Мине-Гага“ не совсѣмъ понятна. Но я думаю, что въ наслѣдствѣ этой старушки найдутся еще дальнѣйшіе листы этого сочиненія, которые сумѣютъ пролить больше свѣта на странное названіе.

I.

Въ этихъ строкахъ я рѣшилась изложить исторію моей жизни. Не думайте, что я почувствовала въ себѣ писательскій талантъ, — нѣтъ, смѣю увѣрить, нѣтъ! Сознаюсь, я ничто въ мірѣ такъ не презираю, какъ синій чулокъ. Женщина, торгующая своимъ тѣломъ, стоитъ въ моихъ глазахъ гораздо выше той, которая унизилась до стряпни фельетоновъ и даже книгъ.

Единственная причина, побудившая меня взяться за перо та, что моя жизнь слишкомъ разнилась отъ обычной жизни другихъ женщинъ. Правда, обо всемъ этомъ я неод-

нократно рассказывала, но кто же станет рассказывать послѣ моей смерти? Я напишу только одну книгу, но чувствую, что напишу ее хорошо. Будетъ ли она опубликована, всецѣло зависитъ отъ моего сына Эдгара. Предразсудки, которыми онъ пропитался въ своей маленькой, сѣрой, повседневной жизни, пожалуй, удержатъ его отъ этого. Но и это не поколеблетъ во мнѣ рѣшенія изложить исторію моей жизни на бумагѣ. Если ей не суждено попасть въ руки интеллигентнаго читателя или прелестной читательницы, я буду писать ее для себя самой. Это единственное, что мнѣ остается: тяжелыя минуты жизни—позади, но и радости ея позади. Теперь я прошу у неба лишь одного: пусть смерть не постигнетъ меня въ срединѣ моей работы! Я не найду себѣ тогда покоя и подъ землей. Я по ночамъ буду вставать изъ гроба и буду писать, пока не закончу своей рукописи!

Самое раннее мое дѣтство представляетъ собою мало интереснаго, хотя я и помню

себя чуть ли не съ двухлѣтняго возраста.

Оглядываясь на эту пору своей жизни, я не припоминаю ни одного сѣраго, пасмурнаго дня. Не помню я и зимнихъ дней. Я видѣла тогда одно только солнце, проникающее черезъ гущу зеленыхъ листьевъ. Свѣтло-зеленый сводъ сверху освѣщенныхъ листьевъ это—небо, какимъ я его впервые узнала. Порою и теперь, когда на душѣ вдругъ становится по-дѣтски свѣтло и радостно, я снова вижу передъ глазами эту зелень. Для меня зеленое цвѣтъ счастья, а не цвѣтъ надежды. Чтобы олицетворять надежду въ какомъ-либо цвѣтѣ, для этого я слишкомъ стара, да и вообще какая можетъ быть надежда въ мои годы?

Вотъ первая картина, запечатлѣвшаяся въ моей памяти: я влѣзла на стулъ и стою у открытаго окна, возлѣ меня Нэма смотритъ, чтобы я не упала. Я спрашиваю ее названія цвѣтовъ, растущихъ подъ окномъ, и она мнѣ ихъ называетъ одно за другимъ.

Дальнѣйшія мои воспоминанія какъ бы

въ туманѣ. Я ничего не помню. Пока въ памяти моей не воскресаетъ новая картина: возлѣ пруда я открыла листовную крышу изъ липовыхъ деревьевъ, бросающихъ тѣнь на весь садъ. Юліанъ, одинъ изъ старшихъ мальчиковъ, стоитъ на колѣняхъ на каменномъ брустверѣ пруда и окунаетъ меня нѣсколько разъ въ воду. Я снова на землѣ, реву во всю мочь, тру себѣ глаза и бессмысленно гляжу впередъ. Тутъ я впервые при видѣ ярко освѣщенныхъ солнцемъ листьевъ испытала ту особенную радость, которая заставитъ навсегда сохранить память объ этомъ мгновеніи.

А вотъ и нашъ домъ: низкій, одноэтажный широкій фасадъ, выкрашенный въ бѣлую краску; длинный рядъ оконъ съ зелеными ставнями, возлѣ нихъ густые цвѣтники; высокая, крутая крыша, прятанная въ вѣтвяхъ деревьевъ, мѣстами поросшая мохомъ. Все это я стала замѣчать какъ-бы впервые. Какъ разъ надъ входной дверью—высокое слуховое окно. Возлѣ этой двери

я впоследствии часто сживала на скамейкѣ и плела соломѣ для нашихъ широкихъ шляпъ, а младшіе мальчики и дѣвочки играли у моихъ ногъ пескомъ и водой.

Связными мои воспоминанія становятся съ того дня, какъ мнѣ впервые одѣли ботинки; это было въ началѣ четвертаго года моей жизни. Насъ однолѣтокъ было семеро, три мальчика и четыре дѣвочки, всѣхъ насъ въ домѣ было тридцать. Ботинки достались намъ отъ Эллы и Аспазіи, двухъ старшихъ дѣвочекъ, весной покинувшихъ этотъ домъ, и мы съ гордостью щеголяли въ нихъ по хрустѣвшему песку сада. Затѣмъ мы по росту выстраивались въ рядъ у большого деревяннаго сарая какъ разъ противъ дома. Я была третья по росту, выше меня были два мальчика, третій же былъ самый маленькій изъ насъ. Первое лѣто мы носили ботинки только во время занятій; это было намъ даже пріятно, такъ какъ они были такъ туго зашнурованы, что малѣйшее прикосновеніе чувствовалось насквозь.

Поэтому мы въ остальное время съ удовольствіемъ бѣгали босикомъ по саду и дому.

Вотъ подходитъ къ намъ Гертруда съ красивымъ прутомъ подъ мышкой. Съ гладко зачесанными черными волосами, сверкающими глазами, узкимъ лицомъ и гибкой фигурой она была для меня во все время пребыванія моего въ этомъ домѣ идеаломъ красоты. Еще даже въ послѣдній годъ я неоднократно забиралась вслѣдъ за ней на чердакъ только для того, чтобы доставить себѣ удовольствіе видѣть ее спускающейся съ лѣстницы. Ей было лѣтъ восемнадцать или девятнадцать. Она, какъ и Нэма, которая была немного старше ея, уходила черезъ каждые четыре дня на весь пятый. Тогда мы всѣ тридцать оставались съ другой, и, обыкновенно, старшія дѣвочки стирали бѣлье, а младшія развѣшивали бѣлыя платица для сушки вокругъ пруда.

Гертруда взяла ивовый пруть въ лѣвую руку и улыбаясь оглядывала насъ одну за другой. Послѣ этого она обѣими руками

подняла платье такъ высоко, что ноги ея были видны выше колѣнъ и показывала намъ, какъ надо ходить. Кромѣ высокихъ желтыхъ ботинокъ, она носила еще бѣлые чулки, едва доходившіе до середины икръ. Она слегка согнула колѣно и опустила ногу носкомъ впередъ; затѣмъ медленно поставила пятку, но не раньше, чѣмъ задняя линія ноги вплоть до большого пальца образовала одну прямую. Ея полное, круглое, нѣжное колѣно выпрямлялось въ тотъ же моментъ, когда пятка достигала земли.

Мы всё должны были, приподнявъ платица и крѣпко упираясь руками въ бедра, повторять то же. Послѣ этого начиналась маршировка, но до того медленная, что въ промежутокъ между двумя шагами можно было смѣло обѣжать весь домъ. При томъ ея пруть былъ всегда на нашихъ носкахъ, колѣняхъ или икрахъ, всякій разъ, какъ мы слишкомъ поспѣшно опускали ногу.

Лора, самая маленькая среди насъ, къ слову сказать, ребенокъ выдающейся красоты,

о которой я еще много буду говорить впереди, почти начинала плакать. По крайней мѣрѣ, крупныя слезинки уже катились по щекамъ. Но Гертруда такъ посмотрѣла на нее, что она сразу взяла себя въ руки и держалась лучше другихъ.

Такъ мы трижды обходили садъ. Освободившись, мы гурьбой бѣжали домой, снимали ботинки, скидывали платьица и спѣшили къ пруду. Мальчики — съ одной стороны водоема, а мы — съ другой. Мы обдавали другъ друга брызгами. Рыбы шмыгали у насъ между ногами. Строго на строго было намъ запрещено ловить ихъ, держать надъ водой, или какъ-либо иначе ихъ мучить. Порой кто-нибудь изъ насъ поскользнувшись исчезалъ подъ водой. Мы поднимали страшный крикъ, хотя утонуть было почти невозможно, такъ какъ въ самомъ глубокомъ мѣстѣ прудъ не достигалъ полутора фута глубины. Послѣ купанья мы усаживались рядышкомъ на брустверѣ, держа ноги въ водѣ, и ждали, пока не обсохнемъ.

При дальнѣйшихъ упражненіяхъ Гертруда больше всего вниманія обращала на то, чтобы при хожденіи не трясли бедрами. Если кто-либо изъ насъ забывалъ объ этомъ, то получалъ сзади ударъ. Она говорила, что при хожденіи не нужно чувствовать опоры подъ ногами, не нужно чувствовать ногъ, а только бедра. Бедра—центръ тяжести, они должны быть неподвижны. Всѣ же остальные движенія какъ верхней половины тѣла, такъ и ногъ, вплоть до кончиковъ пальцевъ, должны исходить изъ бедръ и ими управляться.

Въ этомъ отношеніи она была живымъ примѣромъ. Когда она приближалась, получалось впечатлѣніе, точно ея тѣло совсѣмъ не имѣетъ вѣса. Видны были однѣ формы, но и онѣ ступевывались передъ красотой движеній. Въ сравненіи съ другими людьми, она казалась мнѣ чѣмъ-то несуществующимъ, плодомъ моей фантазіи. Порою я протира-ла себѣ глаза, чтобы убѣдиться, наяву ли это.

Я неоднократно, замѣчала, что всѣ эти упражненія давались намъ дѣвочкамъ гораздо легче, чѣмъ мальчикамъ. И если у кого-либо изъ насъ дѣвочекъ слишкомъ развивались бедра, я глубоко убѣждена въ томъ, что причина была та, что мы научались буквально думать бедрами.

Сначала пятого года насъ, какъ дѣвочекъ, такъ и мальчиковъ, приучали ухаживать за маленькими дѣтьми, приносимыми въ нашъ домъ. Каждый изъ насъ имѣлъ своего питомца. Я получила дѣвочку, а маленькая Лора, ставшая моей лучшей подругой, получила мальчика. Мы должны были содержать ихъ въ опрятности, ежедневно выносить ихъ въ садъ, если же дождило, подъ деревянный навѣсъ, и давать имъ рожокъ. Словомъ, мы поступали съ ними точно также, какъ въ свое время поступали съ нами старшія. Ночью маленькіе спали отдѣльно подъ надзоромъ Нэмы, мы же старшіе спали всѣ вмѣстѣ съ Гертрудой. Когда Гертруда уходила, она не ночевала дома и

возвращалась лишь къ утру. При этомъ она бывала особенно хорошо настроена и больше обыкновеннаго смѣялась и шутила съ нами.

Теперь перехожу къ Морни, одному изъ старшихъ мальчиковъ, который мнѣ очень нравился. Впослѣдствіи я его окончательно потеряла изъ виду. Во время купанья я видѣла его и только его одного. Онъ былъ уже настолько большимъ, что вода не достигала ему до верхней части туловища. У него были необыкновенно красивые лучезарные глаза. Я часто окликала его по имени только затѣмъ, чтобы имѣть возможность лишній разъ заглянуть въ нихъ. Какъ красиво изгибается его спина, когда онъ наклоняется, чтобы за руку проводить маленькаго по водѣ! Я припоминаю, какъ однажды онъ стоялъ наверху на брустверѣ и разговаривалъ со своимъ товарищемъ, который былъ еще въ водѣ. Мы съ двумя другими дѣвочками прикурнули у пруда. Я упивалась его красотой и такъ сладко проспала

ла ту ночь, какъ будто надышалась какимъ-то новымъ свѣжимъ воздухомъ. Три недѣли спустя, когда Гертруда однажды утромъ стаскивала съ насъ одѣяла, кровати Морни, его товарища и еще одной дѣвочки оказались пустыми. Никто изъ насъ не рѣшался спрашивать объ этомъ; даже между собой мы объ этомъ не говорили. Только втихомолку я спрашивала себя, неужели это—конецъ. Нему и Гертруду я считала высшими существами, которыя никогда не были такими же дѣтьми, какъ и мы. Все же у меня было предчувствіе, что намъ суждено еще встрѣтиться, въ особенности, когда я думала о Морни. Но, какъ я уже сказала выше, это не сбылось. Въ теченіе всей моей жизни я неустанно вспоминала о немъ. На девятомъ году, при прыжкѣ съ высоты во время гимнастики, онъ упалъ и размозжилъ себѣ голову. Я не могла его забыть всю жизнь.

Послѣдній годъ нашего пребыванія въ домѣ Гертруда учила насъ бѣгать и прыгать. Съ этимъ у меня связано воспоминаніе о

большомъ красномъ шарѣ, лежавшемъ подь деревяннымъ навѣсомъ. Мы всѣ научились преловко ходить на немъ. Часто мы съ Лорой становились на шаръ вдвоемъ, обнимали другъ дружку крѣпко руками, переплетались ногами и катали шаръ между столами и скамейками подь всѣмъ навѣсомъ. Какъ-то разъ сбили мы съ ногъ ребенка, но не причинили ему никакого вреда. Любили мы и ходить на ходуляхъ, но Гертруда не признавала ходулей и морщилась при видѣ ихъ. Она говорила, что это не изящно и не здорово. За то въ мячъ она всегда охотно съ нами играла. Самымъ любимымъ ея занятіемъ было прыганье черезъ скакалку, въ которой она заставляла упражняться какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ. Она отъ души смѣялась, когда скакалка, задѣвъ платье, закрывала имъ лицо. Сама она была въ этой игрѣ буквально виртуозомъ. Изъ насъ дѣтей никто не могъ за ней поспѣть. Въ одинъ скачекъ она успѣвала три раза перебросить черезъ себя скакалку.

Въ знойные лѣтніе дни мы почти не выходили изъ воды, сидѣли на брустверѣ пруда или лежали у водоема, и водяныя брызги обдавали наше лицо. Мы были въ своихъ широкихъ соломенныхъ шляпахъ, платья же одѣвали лишь во время ѣды и занятій. О плаваніи никто изъ насъ, даже мальчики, и не мечтали. Положимъ, это и невозможно было въ такой мелкой водѣ.

Теперь только я припоминаю, и меня это поражаетъ, что ни Нэма, ни Гертруда ни разу съ нами не купались. Обѣ онѣ ходили только съ обнаженными руками, но никто изъ насъ, дѣтей, не видѣлъ ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ мы сами провели полдня. Это ничуть не мѣшало всѣмъ намъ, отъ мала до велика, питать къ этимъ двумъ дѣвушкамъ глубокое уваженіе. По утрамъ, когда Гертруда будила насъ, она была уже совершенно одѣта, а вечеромъ она никогда не приходила прежде, чѣмъ становилось совершенно темно.

Однажды я замѣтила, что ночью она по-

силь рубашку. У Зигварта, кровать котораго стояла рядомъ съ моею, сдѣлался ночью припадокъ удушья. Гертруда встала и зажгла свѣтъ. Сорочка достигала ей до щиколотки. Я и сейчасъ ясно вижу, какъ она держитъ своими бѣлыми руками темно-красную головку мальчика. Она прикладывала ему холодный компрессъ, сѣла на край его кровати и тихо что-то шептала, пока тотъ не уснулъ. Послѣ этого она въ сорочкѣ снова легла въ постель.

Теперь о часахъ занятій. Едва я успѣвала протереть глаза, я уже съ радостью думала о нихъ. Морни уже не было; остальные мальчики моего возраста не представляли собой ничего интереснаго, и, такимъ образомъ, въ Гертрудѣ воплотилось для меня все прекрасное на этомъ свѣтѣ. Костюмы, которые мы носили при упражненіяхъ въ бѣгѣ и прыганьи, я впоследствии неоднократно видѣла даже на взрослыхъ, но никто, не исключая и Арно, съ которымъ я провела восемь самыхъ счастливыхъ дней

моей жизни, мнѣ въ немъ не нравился такъ, какъ въ свое время Гертруда. Мнѣ еще не было полныхъ семи лѣтъ, но впечатлѣніе осталось неизгладимое. Раньше при нашихъ упражненіяхъ Гертруда всегда была одѣта въ свое обыкновенное бѣлое платье, которое она просто подбирала выше колѣнъ. Теперь же она одѣвалась какъ и мы всѣ. Она живо бывала готова, выходила изъ дому съ неизмѣннымъ ивовымъ прутомъ въ рукахъ и торопила насъ приготовиться къ занятіямъ. Мы вбѣгали въ домъ, быстро скидывали свои бѣлыя короткія платья, влѣзали въ костюмы, которые застегивались на спинѣ. Они прикрывали только верхнюю часть тѣла, оставляя ноги совершенно обнаженными. Гертруда всѣхъ насъ поочередно осматривала и обыкновенно у каждаго еще ту же затягивала поясъ. Мы должны были возможно больше запрокинуть голову и скрестить позади нея руки. Все это время мы не касались пятками земли. Гертруда увѣряла, что это способствуетъ красотѣ

икрѣ. Колѣни мы должны были только чуть-чуть сгибать и во время бѣга ступать только на кончики ногъ. Лора и Гейди изучили это въ совершенствѣ. Казалось, ноги ихъ не касаются земли. У той и другой были узкія кости, округленные колѣни и поразительно гибкіе пальцы. Гертруда часто заставляла ихъ однѣхъ оббѣгать вокругъ сада. Казалось, что ихъ носить легкое прохладное дуновеніе вѣтерка; не успѣвали мы оглянуться, онѣ уже снова были возлѣ насъ.

У мальчиковъ ноги были болѣе узкія и длинныя, чѣмъ у насъ дѣвочекъ, и вслѣдствіе этого они могли лучше держаться на носкахъ, но за то большинство изъ нихъ очень сгибали колѣни. Въ прыжкахъ съ сомкнутыми ногами они во многомъ превосходили насъ. Мы стояли передъ канатомъ, рѣки на бедрахъ, а локти возможно сзади. Въ такомъ положеніи мы должны были перепрыгнуть чрезъ канатъ, низко присѣсть и въ слѣдующій же моментъ принять прежнее положеніе, спокойно стоя на носкахъ. Если кто-

нибудь, не удержавъ равновѣсія, дѣлалъ шагъ впередъ, Гертруда такъ ударяла по ногамъ, что отзывалось въ спинѣ. При этомъ она всегда улыбалась. Порой она и сама себя такъ ударяла по вытянутымъ ногамъ, что слышенъ былъ свистъ. Когда она прыгала, носки ея дрожали надъ канатомъ. Ея ноги внизу были не такъ устроены, какъ у другихъ женщинъ. Когда она стояла съ тѣсно сомкнутыми ногами, между ея лодыжками всегда оставалось небольшое разстояніе. Я предпочитала наблюдать ее въ этомъ положеніи сзади. Начиная съ пятокъ шли двѣ прямыя параллельныя линіи вплоть до колѣнной впадины. Ея полныя икры были такъ нѣжно округлены, что казались небольшими, и я удивлялась, какъ на такихъ тонкихъ ногахъ можетъ держаться ея дивный корпусъ. Вся ихъ сила была, какъ видно, въ ихъ сухожиліяхъ и эластичности. Въ бокахъ Гертруда не была слишкомъ развита, потому она и не производила впечатлѣнія полной, если смотрѣть на нее сбоку. Тогда ея тѣло ка-

залось, напротивъ, даже много уже, чѣмъ спереди. Верхняя часть ея тѣла стройно и какъ бы самостоятельно выростала изъ бедръ, руки съ ногами были на одной прямой, что придавало ей красивую полноту. Гертруда всегда носила туго затянутый поясъ и въ этомъ отношеніи служила для насъ хорошимъ примѣромъ. Когда она выходила изъ дому, а мы еще продолжали играть въ саду, съ трудомъ можно было отличить, гдѣ кончаются ея обнаженные ноги, и гдѣ начинается ея бѣлое платье. Ея бѣлые чулки, единственное, чѣмъ отличался ея костюмъ отъ нашего, ни разу даже во время бѣга и прыжковъ не спускались у нея на желтые шнурованные ботинки, которые всегда производили впечатлѣніе новыхъ: ни одного узелка на шнуркахъ, ни одной складки на кожѣ. Всего этого нельзя было сказать про насъ. Вообще вся она была какъ-то удивительно красиво сложена, къ тому же лицо у нея было выразительное и интересное, но ея тѣсно-сомкнутыя ноги,

когда она стояла, казались буквально художественнымъ произведеніемъ природы. Я ничего подобнаго больше не видѣла.

Еще мнѣ вспоминается одна дѣвочка, одного возраста съ нами, но которой уже два года нѣтъ среди насъ. Ея имя я забыла. Я не знаю, вспомнить ли ее кто изъ насъ. Зигвартъ, Артуръ, Кальмаръ, Гейди, Лора и я, мы были теперь самыми старшими, трое мальчиковъ и трое дѣвочекъ.

Робко проходили мы другъ мимо друга. Я не осмѣливалась лишній разъ говорить съ Лорой. Вечеромъ я боялась заснуть. Нэма и Гертруда могли замѣтить наше волненіе, и мы становились еще больше молчаливыми. При встрѣчѣ съ нами они окидывали насъ серьезными взглядами. Мы прятались каждый въ свой уголокъ. Мысленно я отъ всей души желала, чтобы все это поскорѣе прошло.

Однажды ночью пришла Нэма, сбросила съ меня одѣяло и голой вынесла наружу. Тамъ она положила меня въ узкій ящикъ,

который какъ разъ пришелся мнѣ по росту, и захлопнула крышку. Дальше я ничего не помню. Когда сквозь щели брызнулъ дневной свѣтъ, ящикъ остановили и открыли его крышку.

Я вышла.

II.

Меня взяли за руку, осмотрѣли со всѣхъ сторонъ и подвели къ одной изъ бѣлыхъ кроватей, стоявшихъ въ комнатѣ. Лучи мягкаго ласкающаго вечерняго солнца проникали черезъ низкія широкія окна и скользили по кроватямъ. У меня закружилась голова.

Опустившись предо мной на колѣни, дѣвочка одѣвала на меня длинныя бѣлыя чулки выше колѣнъ; затѣмъ она набросила на меня платье, въ рукава котораго я должна была попасть, принесла корзину съ ботинками и примѣряла мнѣ ихъ до тѣхъ поръ, пока не нашлось подходящей пары;

поверхъ чулокъ она одѣла мнѣ свѣтло-зеленыя подвязки; рукавъ платица достигалъ мнѣ до локтя. Ботинки были желтаго цвѣта съ вырѣзомъ спереди и съ полоской черезъ подъемъ, гдѣ была застежка.

Когда я была уже готова, она поставила меня межъ колѣнъ и начала причесывать мнѣ волосы.

— У тебя чудные волосы, Гидалла,—сказала она.

Я молчала. Я смотрѣла по направленію закатывающагося межъ деревьевъ солнца, и мнѣ казалось, что я пришла оттуда, и что тамъ должны быть Гертруда и Лора.

Другая дѣвочка открыла дверь и спросила, скоро ли мы придемъ. Она помогла первой заплести въ косы мои черныя волосы. Потомъ онѣ повели меня въ комнату, гдѣ за красиво сервированнымъ столомъ сидѣли четыре дѣвочки. Всѣ онѣ были одѣты какъ и я: бѣлыя до колѣнъ платица съ четырехугольнымъ вырѣзомъ возлѣ шеи, полудлинные рукава, длинныя бѣлыя чулки и

низкіе желтые ботинки. Волосы всѣ онѣ носили распущенными, и только у меня они были заплетены въ косы.

Дѣвочка, занимавшая за столомъ главное мѣсто, казалась мнѣ серьезнѣе всѣхъ остальныхъ. Ей было лѣтъ тринадцать - четырнадцать. Слева и справа отъ нея сидѣли по три дѣвочки. Напротивъ меня сидѣла очень красивая блондиночка, однихъ лѣтъ со мной. Та, которая меня одѣвала, сидѣла возлѣ старшей и кидала на меня ободряющіе взгляды. Всѣ дѣвочки казались очень скромными. Онѣ говорили мало, но очень самоувѣренно.

Эта комната была копіей предыдущей; три стѣны изъ сплошныхъ оконъ, черезъ которыя заходящее солнце напоминало фонарь. Только внутренняя стѣна съ дверью была безъ оконъ. Черезъ наружную дверь со стеклянными рамами входило уродливѣйшее существо, какое мнѣ когда-либо приходилось видѣть, съ подносомъ, уставленнымъ кушаніями, въ рукахъ. Къ счастью, оно сейчасъ же снова уходило. Старшая

разливала супъ. Къ супу была подана зелень, горошекъ съ рѣпой, очень вкусно приготовленные. Потомъ—жаркое, но очень маленькія порціи.

Вотъ все, что осталось у меня въ памяти отъ перваго вечера. Вѣроятно, я тутъ же за столомъ снова заснула.

Проснувшись на слѣдующее утро, я прежде всего спросила, здѣсь ли Лора. Никто о ней ничего не зналъ.

Какъ сейчасъ я еще ясно помню, какъ въ первый же вечеръ мы всѣ вмѣстѣ отправились купаться. Дорога шла то черезъ тѣнистые ряды высокихъ старыхъ деревьевъ, то черезъ ярко освѣщенные солнцемъ зеленѣющіе луга, и была такъ широка, что мы всѣ семеро могли свободно держаться въ рядъ рука объ руку. Налѣво и направо, сколько хватало глазу, растиались безконечные луга и поля. Вдругъ въ нѣкоторомъ отъ насъ отдаленіи я увидала домъ точно такой-же, какъ нашъ, двухэтажный, изъ краснаго кирпича, съ двумя рядами низ-

кихъ, широкихъ оконъ, обросшихъ дикимъ виноградомъ. Внизу вокругъ дома шла деревянная галерея. Крыша была почти плоская, и тонкая струйка дыма, подымаясь изъ трубы вверху, разстилалась и таяла въ воздухъ.

Вскорѣ дорога сузилась, и мы очутились въ лѣсу, черезъ гущу деревьевъ котораго не проникалъ ни одинъ лучъ солнца.

Лѣсъ смѣнилъ густой кустарникъ, по которому приходилось пробираться гуськомъ, пока, наконецъ, не очутились снова на просторѣ.

Я никогда не забуду представившагося моимъ глазамъ зрѣлища: межъ зелеными берегами протекалъ широкій ручей, по обѣимъ сторонамъ коего тянулся густой кустарникъ, который какъ будто отрѣзалъ его отъ всего міра. На берегахъ копошились буквально сотни дѣвочекъ. Однѣ изъ нихъ еще только раздѣвались, другія были уже въ водѣ и плавали. Напротивъ насъ толпа дѣвочекъ уже одѣвалась. Свои платица и

чулки мы повѣсили на вѣтви. Бланка и Памела, старшія среди насъ, прыгнули въ воду, а остальные взяли меня за руки и за ноги, раскачали высоко въ воздухъ и подбросили къ нимъ. Бацъ! Бланка поддерживала меня рукой подъ животомъ и заставляла меня барахтаться въ водѣ. Вода достигала мнѣ до подбородка, но всѣ дѣвочки, даже маленькая блондинка Филисса отлично умѣли плавать. Бланка и Памела держали меня съ двухъ сторонъ, и такъ мы плыли далеко внизъ по теченію. Насъ окружали дѣвочки, съ вытянутыми впередъ головами и руками ударявшими по водѣ. Наконецъ мы доплыли до шлюза, перелѣзли черезъ него, усѣлись на широкіе камни подъ нимъ, и вода сверху каскадомъ обдавала насъ. Послѣ этого всѣ шесть дѣвочекъ въ рядъ поплыли обратно противъ теченія, я же бѣгала по берегу слѣдомъ за ними. Когда мы одѣвались, солнце уже сѣло. Изъ кустарниковъ растилался по травѣ туманъ, такъ что едва можно было разглядѣть дѣ-

вочекъ, находившихся на противоположномъ берегу.

Съ перваго же дня меня начали учить ходить на рукахъ. Двѣ дѣвочки держали меня при этомъ за ноги. Волосы мои спускались на полъ, платье перекидывалось черезъ поясъ и спадало на затылокъ. Такъ я ходила съ высоко поднятыми вверхъ ногами по каменнымъ плитамъ комнаты.

Въ промежуткѣ между обѣдомъ и купаньемъ мы занимались музыкой. Я училась играть на скрипкѣ. Вечера мы уютно проводили всѣ вмѣстѣ, за исключеніемъ Бланки, которая уходила каждый вечеръ сейчасъ же послѣ ужина. Бланка была толстенькая, кругленькая дѣвочка, съ черными волосами, черными глазами; губы, точно разрѣзанная пополамъ вишня, ярко красныя и сочныя. Фигура ея была немножко неуклюжа, какъ обыкновенно бываетъ у дѣвочекъ ея возраста. Но тѣмъ больше поражала ея гибкость. Въ этомъ смыслѣ она служила для всѣхъ насъ образцомъ. Когда она ходила на ру-

кахъ, она такъ перегибалась, что ноги приходились почти надъ самой головой; при этомъ носки ея были вытянуты въ стрѣлку, застывши неподвижно, и не подаваясь при ходьбѣ ни вправо ни влѣво. Къ тому же она была великолѣпная танцовщица. Время передъ обѣдомъ она посвящала урокамъ танцевъ съ остальными пятью дѣвочками. Она по очереди ставила ихъ *vis-à-vis* себя и заставляла съ малѣйшей точностью подражать каждому ея шагу и движенію.

Всѣ эти упражненія происходили въ верхнемъ этажѣ дома, гдѣ мы вообще проводили весь день, а также и вечера, когда Бланка уходила, и мы, собравшись въ кружокъ, уютно болтали. Весь этажъ представлялъ изъ себя одну большую комнату съ низкими широкими окнами вокругъ, у которыхъ вился дикій виноградъ. Только въ серединѣ одной стѣны рядъ оконъ прерывался громаднымъ каминомъ, вдававшимся глубоко въ комнату и въ высоту достигавшимъ потолка. Весь полъ былъ выложенъ красными

кирпичными плитками. Въ промежуткѣ между каждыми двумя окнами была прибита лампа.

Впослѣдствіи я часто вспоминала нашъ домъ со стороны парка, когда всѣ лампы были зажжены. Болѣе красивое зрѣлище трудно себѣ представить въ особенности, когда дѣвочки въ своихъ бѣлыхъ платьицахъ появлялись у открытыхъ оконъ. Если представить себѣ такихъ домовъ тридцать, разбросанныхъ по парку, станетъ ясно, какъ сказочно-красива была эта картина по вечерамъ.

Чтобы попасть въ верхній этажъ, нужно было выйти наружу, подняться по деревянной лѣстницѣ и войти черезъ стеклянную дверь. Напротивъ нея былъ каминъ, а вдоль стѣнъ слѣва и справа тянулись обитыя кожей скамьи, на которыхъ мы, дѣвочки, сидѣли.

Намела играла на мандолинѣ. Ирена, третья по возрасту, дѣвочка крѣпкаго сложенія, холодная и замкнутая, играла на

гитарѣ. Затѣмъ слѣдовала десятилѣтняя Вѣра — дѣвочка прелестно сложенная съ спокойными чертами лица. Я съ первыхъ же дней молилась на нее. Она красиво, удивительно граціозно танцевала, и если она еще не достигла искусства Бланки, то, во всякомъ случаѣ, лишь потому, что меньше ея упражнялась. Однажды я громко вскрикнула отъ испуга: Вѣра, стоя и спокойно со мной разговаривая, стала скользить врозь своими эластичными ногами по гладкимъ плиткамъ, пока постепенно не достигла пола. Мнѣ казалось, что я сама въ эту минуту разорвалась пополамъ. Но она поднялась такъ же плавно и спокойно, не подергивая плечами и не сгибая колѣнъ. Сколько силы и гибкости должно было быть въ ея молодыхъ членахъ! Она играла на арфѣ. Даже ея музыка казалась мнѣ какъ-то содержательнѣй и глубже, чѣмъ у другихъ.

Пятая по возрасту, Мелузина, слабенькая и худенькая дѣвочка, съ большими голубы-

ми глазами, играла на свирѣли. Эта дѣвочка за всѣ пять лѣтъ моего совмѣстнаго съ нею пребыванія не внушала мнѣ ни малѣйшаго интереса. Наконецъ, маленькая толстененькая блондиночка Филисса была въ цимбалы, звуками которыхъ она заглушала весь нашъ оркестръ. Я же сама должна была играть на скрипкѣ, такъ какъ Бланка, игравшая на ней до сихъ поръ, черезъ годъ покидала насъ.

Это было послѣ обѣда, въ одинъ изъ первыхъ же дней моего пребыванія въ этомъ домѣ. Бланка повела меня съ собой по широкой пыльной дорогѣ парка. Мы сдѣлали порядочное разстояніе мимо цѣлаго ряда другихъ домовъ и, наконецъ, вошли въ одноэтажный бѣлый широкій домъ, съ порталомъ изъ четырехъ колоннъ, окруженный со всѣхъ сторонъ высокими соснами. Черезъ ярко-освѣщенный падающимъ сверху свѣтомъ вестибюль Бланка ввела меня въ большой бѣлый залъ съ высокими окнами, выходящими въ садъ.

Первое, что я увидѣла здѣсь, была Лора. Мы упали другъ другу въ объятія, цѣловались и плакали. Вскорѣ вошла и Гейди въ сопровожденіи другой дѣвочки. Всего было тридцать дѣвочекъ нашего возраста и тридцать же возраста Бланки, всѣ одинаково одѣтыя, съ распущенными волосами, въ желтыхъ ботинкахъ, бѣлыхъ чулкахъ и платьицахъ. Старшія усѣлись на бархатныхъ диванахъ, стоявшихъ вдоль стѣнъ, заложили съ чувствомъ собственнаго достоинства нога на ногу и тихо шептались. Мы же, затаивъ дыханіе, стояли посреди зала.

Вдругъ справа открылась дверь и вошла Зимба. Я была ошеломлена. Въ слѣдующій моментъ она уже стояла среди насъ.

Сейчасъ, когда мнѣ шестьдесятъ три года, трудно уже возстановить въ памяти во всей его полнотѣ то впечатлѣніе, которое она тогда на меня произвела. Она была стройна, очень худа, но безъ малѣйшей угловатости въ фигурѣ, ни одного ребра, ни од-

ной жилки не просвѣчивало сквозь ея нѣжную кожу. Я смотрѣла на нее въ упоръ и испытывала точно такое же чувство, какъ въ тѣ ночи, когда мечтала о Морни.

Манера, съ которой она потягивалась, пожимала плечами, сладостная нѣга, разлитая по всему ея гибкому тѣлу, сознание своей красоты, проявившееся въ каждомъ ея движеніи, все это положительно ошеломило меня. Два дня я провела точно въ полуснѣ, два дня меня повсюду преслѣдовалъ ея образъ.

Ея костюмъ! Онъ и посейчасъ у меня въ памяти, и посейчасъ мнѣ не вѣрится, что я его видѣла собственными глазами. И это въ семь лѣтъ, когда жизнь проходитъ мимо, не давая времени сосредоточиться! Вообще, столько проявленія красоты и изящества, сколько я видѣла въ дѣтствѣ, мнѣ не приходилось потомъ видѣть въ теченіе всей своей жизни. Эти впечатлѣнія прерываются у меня съ того момента, какъ я перестала быть ребенкомъ. Притупился-ли

взглядъ для воспріятія ихъ, или, быть-можетъ, нужда, волненія и страданія отняли покой, необходимый для созерцанія красоты. А можетъ быть, я и просто въ дѣтствѣ пресытилась ею. Сама не знаю!

Свои роскошныя, волнистыя, черныя, какъ смоль, волосы Зимба носила низко спущенными на затылокъ и закрученными сзади въ густой узелъ. У нея были точно нарисованныя, длинныя, змѣеобразныя брови, точенный носикъ, и страдальческая, безконечно сладкая усмѣшка на устахъ.

Поверхъ узкой, гибкой груди и тонкихъ плечъ она носила плотно облегавшую стеклярусную сѣтку такимъ образомъ, что обнѣжныя ея груди все же оставались совершенно свободными и были какъ бы охвачены большими кольцами изъ болѣе густого стекла. Ноги были обтянуты бѣлымъ шелковымъ трико, сверхъ котораго она носила короткіе панталончики изъ свѣтлой шелковой пестрой турецкой матеріи. Поверхъ нихъ падали красныя, желтыя и бѣ-

лыя полоски, прикрѣпленныя къ кушаку, плотно облегавшему талію, такъ что ея гибкія и стройныя ноги оставались совершенно свободными. Она носила мягкіе, низкіе съ глубокимъ вырѣзомъ черныя ботинки.

Поверхъ всего этого на ней было накинута открытое сверху до низу манто изъ свѣтло-желтой шерстяной матеріи, обшито краснымъ, плотно охватывавшее ее въ таліи и застегнутое спереди пряжкой; сзади былъ узкій, постепенно сходящійся книзу вырѣзъ вплоть до самаго пояса; рукава, разрѣзанные до плеча, были подбиты красной матеріей, красиво оттѣнявшей ея смуглыя руки. Не мало я была поражена, замѣтивъ у нея подъ мышками, когда она подымала вверхъ руки, пучки густыхъ, черныхъ волосъ. Этого я не замѣчала ни у Нэмы, ни у Гертруды.

Зимба давала намъ уроки танцевъ. Разъ въ двѣ недѣли мы собирались для этого въ Бѣломъ Домѣ, всегда самыя младшія, по одной дѣвочкѣ отъ каждаго изъ тридцати

домовъ. Наши провожатыя пришли съ нами только въ первый разъ. Обученіе началось съ патетическихъ танцевъ, медленность движеній которыхъ намъ съ трудомъ давалась. Только со второго года началось обученіе болѣе быстрымъ танцамъ, во время которыхъ мы носили тяжелые деревянные башмаки, въ подошвы которыхъ къ тому же еще былъ вложенъ свинецъ. Это способствовало тому, что суставы становились настолько подвижными, что вскорѣ каждая изъ насъ умѣла легко запрокинуть ногу черезъ голову другой. Снизу подошвы были подбиты войлокомъ, чтобы заглушить стукъ ихъ по плиткамъ пола.

Дома въ утренніе часы Бланка повторяла со мной все новое изъ уроковъ Зимбы. Точно также она поступала и съ остальными пятью дѣвочками, которыя поочередно каждая въ соответственный день послѣ обѣда уходили къ Зимбѣ и встрѣчались тамъ со своими однолѣтками всего парка. То же самое было и съ музыкой. Каждый седьмой

день послѣ урока танцевъ въ Бѣломъ Домѣ у меня былъ урокъ музыки. Потомъ по очереди остальные дѣвочки: Филисса, Мелузина, Вѣра, Ирена, Памела и Бланка, пока не наступалъ четырнадцатый день, и я снова отправлялась на танцы. Такъ продолжалось безъ малѣйшаго уклоненія въ теченіе всѣхъ семи лѣтъ моего пребыванія въ паркѣ.

Музыку преподавала Кайрула. Она мастерски играла на всѣхъ инструментахъ. У нея я также встрѣчалась со своими двадцатью девятью сверстницами всего парка. Своихъ скрипокъ мы не брали съ собой: въ Бѣломъ Домѣ былъ большой выборъ всѣхъ инструментовъ. Такъ какъ дѣвочки расходились въ разныя стороны, мы разставлялись сейчасъ же послѣ урока, развѣ только иногда случалось пару шаговъ сдѣлать вмѣстѣ.

Лора жила въ противоположномъ концѣ парка, такъ что, не смотря на наши еженедѣльные встрѣчи, намъ рѣдко удавалось другъ съ другомъ поговорить. Такимъ

образомъ, мы, однолѣтки, были очень чужды другъ другу. Свой кружокъ, своихъ подругъ каждая имѣла только въ своемъ домѣ. Моей самой лучшей подругой была маленькая Вѣра, которую я боготворила. Имѣла ли кого-нибудь Лора, сомнѣваюсь, такъ какъ скорѣе она сама была создана служить предметомъ поклоненія.

Зимба была съ перваго же дня ею очень довольна. Лора была безукоризненно сложена, для своего возраста высока рѣстомъ, гибка и въ сравненіи со всѣми нами, болѣе серіозна и сдержана. Она быстро все воспринимала. На рукахъ она ходила какъ ни одна изъ насъ. Въ бѣломъ домѣ былъ большой шаръ на подобіе того, который былъ у насъ дома подъ деревяннымъ навѣсомъ. Не прошло и полугода нашего пребыванія въ паркѣ, какъ Лора уже отлично ходила на этомъ шарѣ на рукахъ, поднимая высоко кверху ноги. На скрипкѣ же она играла только посредственно. Тутъ я ее далеко превзошла.

Еще въ началѣ моего пребыванія въ паркѣ я однажды ночью страшно перепугалась: мнѣ что-то послышалось; на дворѣ свѣтало, луны уже не было, и въ открытое окно проникалъ прохладный воздухъ. Въ противоположномъ концѣ спальни двигалась бѣлая фигура. Это была Бланка, которая раздѣвалась. Она, видно, замѣтила, что я проснулась. Минуя всѣ кровати, подошла она къ моей, поцѣловала меня и сказала, чтобы я спала спокойно, она только что вернулась домой. Она потянулась, вздохнула, точно была очень уставшей. Сидя на моей кровати, она заплетала свои волосы. На ней были только ботинки и чулки. Въ полутьмѣ утреннихъ сумерекъ я осматривала ея круглое еще не вполне сформировавшееся тѣло.

— Гдѣ была ты такъ долго?— спросила я ее.

— Танцевала...

— Такъ поздно?

— Да.

— Гдѣ-жъ ты танцевала?

— Въ театрѣ.

Она снова поцѣловала меня, пошла обратно къ своей кровати, скользнула подъ одѣяло и заснула. Я же долго еще не могла уснуть.

На завтра это была та же Бланка, которая насъ ежедневно будила.

Какъ и всѣ мы, въ извѣстные дни послѣ обѣда она ходила въ Бѣлый Домъ. Это всегда былъ день наканунѣ моего. Когда Кайрула или Зимба имѣли поводъ на насъ жаловаться, она тамъ объ этомъ узнавала и сообразно съ этимъ вела съ нами наши репетиціи. Моя игра на скрипкѣ доставляла ей большое удовольствіе. Уже лѣтомъ мы часто послѣ обѣда играли съ нею дуэты, пока не приходила Вѣра или другая дѣвочка, отлучавшаяся въ этотъ день, и мы уходили купаться. Вечерами мы по ней страшно скучали. Она была строга съ нами, но тѣмъ не менѣе въ ея обществѣ мы себя отлично чувствовали.

Кайрула была ко мнѣ тоже очень расположена, но я ее не выносила. Скорѣе мнѣ бы хотѣлось нравиться Зимбѣ, но въ танцахъ я была, увы, послѣдней по успѣхамъ. Кайрула, была неуклюжа и толста и держала себя неестественно; каждое слово она произносила въ три приѣма, выразительнѣе, чѣмъ это требовалось. У нея было толстое, красное лицо, коротко остриженные черные локоны, маленькіе, но добрые глаза, приплюснутый носъ, широкій ротъ и тонкія губы. Вся ея фигура была мѣшковата. Къ счастью, она постоянно была одѣта въ длинный яркій клетчатый капотъ, который все скрадывалъ. Она носила войлочные туфли, чтобы не производить шума во время занятій. Чулокъ она принципиально не признавала, но за то на приплюснутомъ носу красовались очки. Руки ея были грубы. Шея вообще отсутствовала, но это ей не мѣшало носить подъ подбородкомъ золотую цѣпь; на которой висѣлъ камертонъ. Она ударяла имъ себя по головѣ, чтобы извлечь звукъ,

а потомъ прикладывала къ зубамъ, чтобы усилить его.

Кайрула была мнѣ непріятна и противна. При одномъ взглядѣ на нее, мнѣ становилось страшно. Если бы она вздумала при мнѣ раздѣться, я, безъ сомнѣнія, умерла бы отъ ужаса.

Но еще отвратительнѣе Кайрулы, самыя противныя существа, какія я видѣла за семь лѣтъ моего пребыванія въ этомъ домѣ, были двѣ старухи, прислуживавшія намъ и жившія тутъ же въ сутеренѣ. Эти двѣ женщины убирали по утрамъ наши постели, содержали домъ въ чистотѣ, варили и стирали, и та изъ нихъ, которая была помоложе и не такъ безобразна, прислуживала намъ за столомъ. Никто изъ насъ не произносилъ съ ними ни слова. Но онѣ въ совершенствѣ исполняли свои обязанности, никогда не ошибались и не давали повода ни къ какимъ нареканіямъ.

Однажды послѣ ужина мы съ Вѣрой вдвоемъ гуляли вокругъ дома и мечтали о Зимѣ.

— Хотѣла ли бы ты сдѣлаться учительницей танцевъ, когда вырастешь?— спросила я ее.

Вѣра тихо покачала головой, и едва замѣтная усмѣшка скользнула по ея губамъ, точно она думала или предчувствовала что-либо такое, о чемъ боялась сказать вслухъ.

— Вѣра, спросила я,— скажи, ты знаешь, что будетъ съ нами, когда мы уйдемъ отсюда?

— Откуда же я могу это знать?— отвѣчала Вѣра спокойно.

Я призадумалась.

— Развѣ ты Бланку не спрашивала?

— Нѣтъ. И Бланка этого не знаетъ.

— Она уходитъ каждый вечеръ.

— Она не уходитъ. Она только танцуетъ въ театрѣ. Это намъ тоже придется, когда мы будемъ въ ея возрастѣ. Для этого мы и учимся.

— Вѣра,— спросила я,— ты тоже была вмѣстѣ съ мальчиками?

— Конечно.

— Гдѣ-же они?

— Не знаю.

Она произнесла это такъ спокойно, точно жила въ другомъ мірѣ?

Луна свѣтила ей въ лицо, и ея нѣжная кожа казалась еще прозрачнѣе. Я стояла возлѣ нея и наблюдала приливы крови въ ея жилахъ на шеѣ. Мнѣ становилось какъ-то не по себѣ.

— Вѣра,—шепнула я,—только не сердись...

— Ну, что?

— Ночью послѣ того, какъ вернется Бланка, приди какъ-нибудь ко мнѣ.

— Гидалла!

Теперь въ свою очередь и Вѣра казалась взволнованной. Она удивленно смотрѣла мнѣ въ глаза. Я не знала, съ чего начать.

Въ это время въ подвальномъ окнѣ появилась голова Маргариты, старшей и болѣе безобразной старухи. Она пристально глядѣла на насъ.

— Видишь ты ее?— сказала Вѣра,— видишь ее?

— Да. А что?

— Она тоже пошла къ другой дѣвочкѣ, когда сама была ребенкомъ здѣсь. Поэтому она и сейчасъ еще здѣсь.

Старушка спряталась.

— А развѣ это запрещено?—съ дрожью спросила я.

— Я думаю. Если меня найдутъ у тебя, меня разлучатъ со всѣми вами. Всю жизнь придется мнѣ тогда работать и не выходить изъ этого парка.

Мы три раза обошли вокругъ дома?

— А другая?—задыхаясь спросила я.

— Эта хотѣла бѣжать. Она перелѣзла черезъ стѣну, чтобы выбратъся на волю. Подробностей я не знаю. Могу тебѣ только сказать, что ни Ирма, ни Маргарита во всю свою жизнь не вышли и не выйдутъ изъ парка. Потому-то онѣ и стали такими безобразными.

Всю ночь послѣ этого разговора я не спала. Когда вернулась Бланка, я притворилась спящей и не шевелилась. Никто не

долженъ былъ мнѣ мѣшать думать объ Ирмѣ и Маргаритѣ. Въ послѣдующіе дни у меня было сильное желаніе поговорить съ одной изъ нихъ. Но это продолжалось не долго: онѣ снова стали мнѣ попрежнему противны. Онѣ производили страшное впечатлѣніе. Лица, точно дубовая кора съ вырванными сучьями! Не вѣрилось, что это — люди. Если Кайрулу я и представляла себѣ иногда радѣтой, то тутъ, при одной мысли объ этомъ, у меня спирало дыханіе, и мнѣ казалось, что я умру отъ отвращенія.

Въ каждомъ изъ тридцати домовъ было по два такихъ экземпляра. Всѣ онѣ влачили это безотрадное, презрѣнное, рабское существованіе. Ни одна изъ нихъ не знала свѣта. Все это были провинившіяся дѣти этого дома.

Какъ-то осенью я стала проводить цѣлыя ночи въ тревожномъ состояніи. Я просыпалась отъ какого-то гула и шума. Первое время я громко вскрикивала отъ страха. Дѣвочки вскакивали со своихъ кроватей

и, конечно, были очень сердиты, когда оказывалось, что я безъ всякой причины прерывала ихъ сѣнь. Шумъ, который я ощущала, былъ едва уловимый, точно комаръ въ комнатѣ, или журчаніе воды въ колодезь. Шумъ этотъ, казалось мнѣ, все растетъ, все громче отдаетъ мнѣ въ уши, все сильнѣе оглушаетъ меня. Вдругъ мнѣ начинали слышаться знакомыя мелодіи, которыя я играла на скрипкѣ, но онѣ были такъ рѣзки, какъ будто мнѣ приложили къ уху резонаторъ. Отъ каждаго движенія головы по подушкѣ я слышала шумъ, подобный отдаленному грому.

Бланка и Памела бывали тогда ко мнѣ очень внимательны. Онѣ дежурили у моей постели и шепотомъ разговаривали со мной до тѣхъ поръ, пока я не успокаивалась. Однажды Бланка, которая всю ночь танцевала, заснула у моей кровати. Когда я утромъ увидѣла ее въ этомъ положеніи, я дала себѣ слово никогда больше никого не тревожить. Припадки повторялись часто, но я молча переносила ихъ.

Однажды во время прогулки по парку, Памела показала мнѣ зданіе театра.

— Скоро, когда Бланка ужъ не будетъ танцовать, я замѣню ее.

Театръ былъ расположенъ приблизительно въ ста шагахъ отъ Бѣлаго Дома. Это было круглое, трехэтажное зданіе изъ желтаго кирпича съ крышей, но безъ оконъ и дверей. Меня это тогда не поразило. Я думала, что гдѣ-нибудь сбоку есть входная дверь.

Дикій виноградъ становился темно-краснымъ. Нашъ домъ, освѣщенный лучами заходящаго солнца, сверкалъ точно рубинъ. Луга въ нашемъ паркѣ покрылись желтыми листьями деревьевъ, а по вечерамъ ложился густой сѣрый туманъ, проникавшій временами и до оконъ нашего дома. Во время купанья всѣ торопились. Я тоже научилась уже плавать. Мы быстро прыгали въ воду, проплывали небольшое разстояніе вверхъ по теченію и чѣмъ скорѣе спѣшили одѣться.

А когда мы возвращались домой, небо

блестѣло нѣжными красками. Двадцать лѣтъ спустя, когда мнѣ приходилось придумывать цвѣтъ платья, я всегда вспоминала это сочетание красокъ: зеленое, розовое и изсинечерное. Чтобы рискнуть одѣть такое платье, надо, правда, имѣть бѣлоснѣжную кожу. Но всѣ почти мои кліентки обладали ею.

Мало-по-малу вода становилась слишкомъ холодной, и мы бросили купанье. На деревянной галереѣ передъ нашей спальней, повѣшено было ведро и сито. По утрамъ лишь только мы вставали, каждая изъ насъ по очереди выходила черезъ стеклянную дверь на галерею и обливала себѣ голову водой. Только когда наступили морозы, чанъ съ водой заносили къ намъ въ спальню, гдѣ было всегда тепло, такъ какъ мы тамъ спали всѣ семеро.

Какъ-то вечеромъ незадолго до ужина я шла одна черезъ паркъ. Я смотрѣла вдаль на горизонтъ, краски котораго то и дѣло мѣнялись, и внимательно оглядывалась по сторонамъ, чтобы ничего не упустить изъ

виду. Помню, какъ меня тогда впервые обуяло страстное желаніе выйти туда, на волю, на широкій просторъ. И вотъ, погруженная въ свои мечты, я незамѣтно дошла до Бѣлаго Дома. Тутъ я остановилась, какъ вкопанная, и долго не могла отвести своего взора отъ поразившаго меня предмета.

Это была небольшая элегантная каретка, въ которую была запряжена лошадь. Я неоднократно видала уже въ паркѣ лошадей, запряженныхъ въ телѣжки, останавливающихъ передъ каждымъ изъ домиковъ, чтобы снабдить ихъ провіантомъ. Ими управляли старшія дѣвочки, одѣтыя въ короткія душегрѣйки, шаровары и сапожки съ отворотами. Но ни одна изъ этихъ лошадей не останавливали на себѣ моего вниманія. Въ этой же было что-то особенное. Я увидала глаза разумнаго челоѡкообразнаго существа. Первая моя мысль была Гертруда. Эта гордая поступь—поступь Гертруды; этотъ огненный взоръ, эта манера качать головой, все это напоминало мнѣ Гертруду. На коз-

лахъ сидѣла очень красивая дѣвушка. Увидавъ мое оцѣпенѣніе, она тихо щелкнула языкомъ, и коляска двинулась впередъ. Я побѣжала рядомъ. Зрѣлище это буквально одурманивало меня. Я не могла постичь, какъ могли сочетаться передняя и задняя половины туловища, онѣ точно принадлежали двумъ совершенно различнымъ существамъ. Передняя поражала своимъ изяществомъ; задняя же половина туловища была слишкомъ громоздка слишкомъ нечеловѣкоподобна! Все же и эта даже часть напоминала мнѣ Гертруду. Это ея плавность движеній, спокойное сознаніе своей силы, манера тереть ногу о ногу. Вдругъ я увидала въ передней половинѣ тѣхъ самыхъ мальчиковъ, съ которыми мы вмѣстѣ учились у Герруды прыгать и бѣгать. Мысли мои начинали путаться. Разбитая побрела я домой.

За ужиномъ Ирена рассказала, что сегодня во время послѣднихъ занятій музыкой въ Бѣломъ Домѣ въ залѣ въ сопровожденіи Зибмы вошли двѣ дамы въ длинныхъ бѣлыхъ шел-

ковыхъ платьяхъ. Всѣ дѣвочки должны были раздѣться и медленно поочередно пройтись передъ ними; послѣ этого каждая должна была еще протанцовать и поиграть. Потомъ всѣ тридцать дѣвочекъ стали въ рядъ, и дамы подозвали къ себѣ Элезію, Этеклу и еще двухъ дѣвочекъ, осмотрѣли ихъ съ ногъ до головы и ушли вмѣстѣ съ ними и съ Зимбой.

Памела, со своей стороны, рассказала о такихъ же выборахъ въ прошломъ году у нихъ, причемъ уже будто-бы заранѣе знали, что выборъ падеть на Изабеллу. Бланка, раздавая намъ мясо, сказала, что она даже знаетъ, кого изъ насъ выберутъ въ будущемъ году. Памела, Ирена, Мелузина и Филисса взглянули на Вѣру, которая зардѣлась до корней волосъ. Она вскинула своими красивыми глазами на Бланку, но сейчасъ же снова опустила ихъ въ тарелку. Благородная усмѣшка скользнула по ея губамъ.

Я никого не спросила, для какой цѣли выбрали Олезію и Изабеллу, и какая участь ждетъ въ будущемъ году Вѣру. Не знаю,

руководилъ ли мною страхъ, или же я сама, какъ и всѣ прочія, научилась догадываться обо всемъ. Бланка была самая старшая среди насъ, ей минуло тринадцать лѣтъ, а все же она знала не больше моего. Это служило мнѣ утѣшеніемъ, когда я надъ чѣмъ-нибудь задумывалась. Я не помню, чтобы и въ послѣдующіе годы меня особенно мучило любопытство. Даже во время послѣдняго года моего пребыванія въ паркѣ, я ждала предстоящаго мнѣ выпуска также равнодушно и спокойно, какъ теперь Бланка.

Наступила зима. Дождь лилъ безпрестанно. Когда мы уходили въ Бѣлый Домъ, мы одѣвали тяжелыя темно-коричневыя суконныя пальто и шапочки изъ лебяжьяго пуха. Въ остальномъ нашъ костюмъ ничѣмъ не отличался отъ лѣтняго. Вечеромъ мы усаживались вокругъ пылающаго камина, придвигая поближе къ огню свои низкія табуретки. Вѣра обыкновенно танцевала посреди комнаты, а Филисса была въ цимбалы. Снаружи доносилось карканье во-

ронъ, завываніе бури и трескъ деревьевъ. Снѣгу выпадало немного; онъ быстро таялъ, и грязь въ паркѣ была непролазная. Ноги вязли въ болотѣ, такъ что случалось на уроки танцевъ являться безъ ботинокъ. Теперь только я впервые замѣтила, что помимо насъ дѣвочекъ паркъ имѣлъ еще и другихъ обитателей; черезъ каждые сто, двѣсти шаговъ перебѣгалъ намъ дорогу заяцъ, а въ вечерніе сумерки подходили къ нашему дому козули и ѣли изъ нашихъ рукъ.

Однажды вечеромъ, это было въ серединѣ зимы, Бланка, по обыкновенію, вернулась изъ Бѣлаго Дома. И когда мы сѣли за ужинъ, она заявила Памелѣ, что не можетъ больше танцевать. Памела попросила Бланку на этотъ разъ еще проводить ее въ театръ. Послѣ ужина обѣ онѣ напянули пальто и ушли. На слѣдующій день Памела много болтала про свой вчерашній костюмъ, про ослѣпительный свѣтъ въ театрѣ, про Зимбу, про гремѣвшую музыку, про костюмы дру-

гихъ дѣвочекъ. Вечеромъ она ушла одна, а Бланка осталась съ нами. Когда мы, по обыкновенію, усѣлись вокругъ камина, она скроила кусокъ полотна и тутъ же его сшила. Образецъ, который лежалъ предъ ней на полу, она принесла съ собою. Надъ животомъ были завязки, а внизу вокругъ ногъ было кружево шириною въ ладонь. Она была блѣдна и сонлива и ушла очень рано спать.

Впродолженіе всей зимы, Памела была въ восторгѣ отъ своихъ новыхъ впечатлѣній въ театрѣ. За столомъ только объ этомъ и была рѣчь. Большею частью она говорила съ Бланкой, мы же внимательно прислушивались. Въ ожиданіи своихъ ночныхъ танцевъ, она была весь день съ утра до вечера въ непрерывномъ волненіи. Однажды за столомъ она выпустила изъ рукъ ножъ и вилку и тутъ же упала безъ чувствъ. Но на завтра она уже вскочила съ кровати совершенно здоровой и бодрой. Порою она испуганно косилась на насъ, какъ будто мы были ей чужими.

Бланка повтoряла съ нами то, чему насъ учили въ Бѣломъ Домѣ. Особенно усердно танцовала она съ Вѣрой. Обѣ онѣ соперничали въ граціи и ловкости. Вѣра была восхитительна, но знаній было больше у Бланки. Часто онѣ танцовали на пари, кто дольше продержится на ногахъ: выигрывала то одна, то другая. Потомъ онѣ обѣ падали отъ усталости.

Бланка попрежнему ходила разъ въ недѣлю на свои занятія въ Бѣлый Домъ, гдѣ встрѣчалась со своими сверстницами, и, какъ рассказывала Памела, каждая изъ нихъ одна за другой прекращали свои танцы въ театрѣ.

Памела уже привыкла къ своей новой роли и по-прежнему была бодра и весела.

Въ паркѣ зацвѣли первые поденѣжники. Длинный рядъ дней и ночей дулъ холодный и сырой вѣтеръ. Мы открыли окна, оставляли пальто дома и часто возвращались обратно съ прогулки босикомъ. Первые солнечные лучи были такъ ослѣпительны, что

приходилось щурить глаза. Мало-по-малу зазеленѣли деревья и все ожило!

Однажды послѣ обѣда Бланка ушла въ Бѣлый Домъ и больше уже не возвращалась. Около двухъ недѣль мы пробыли вшестеромъ безъ нея. Въ спальнѣ каждая перешла на слѣдующую впереди стоящую кровать, а за столомъ хозяйничала Памела. Однажды, когда мы сѣли ужинать, передъ дверью дома появился ящикъ. Мы поспѣшили въ спальню, куда его внесли. На крышкѣ былъ номеръ нашего дома и имя Бетти. Памела взяла ключъ и отперла ящикъ. Оттуда вылѣзла голая дѣвочка.

III.

Про первый годъ своего, пребыванія въ паркѣ я рассказывала настолько подробно, что могу теперь быть болѣе краткой. Кроме того, я неоднократно нарушала хронологическій порядокъ воспоминаній и для цѣльности картины часто вводила случаи, относящіеся къ послѣдующему періоду моей жизни. Теперь, по возможности, буду придерживатся голыхъ фактовъ тѣмъ болѣе, что эти годы были очень однообразны, и въ памяти у меня остались лишь отрывочныя впечатлѣнія. Время тянулось убійственно медленно; мнѣ казалось, что такъ

протечетъ ужъ вся моя жизнь. Мы жили животной довольной жизнью и только то и дѣлали, что росли и полнѣли. Танцы благоприятствовали нашему физическому развитію, музыка же не требовала отъ насъ особой энергіи и напряженія. Теперь же, когда я оглядываюсь на эти семь лѣтъ, они кажутся мнѣ мгновеніемъ, сномъ!

Вслѣдствіе полной отчужденности нашей отъ жизни, умственный горизонтъ нашъ былъ крайне ограниченъ. Всѣ мы, казалось, были одинаково развиты, всѣ мыслили и говорили одинаково, и стоило одной изъ насъ раскрыть ротъ, другая уже напередъ знала, о чемъ будетъ рѣчь. Вотъ, почему мы вообще мало говорили. Во время обѣда иногда не произносилось ни одного звука. Всѣ ѣли молча, сосредоточенно. И только по внѣшности мы отличались другъ отъ друга. Наше „я“ было наше тѣло, а въ особенности — ноги. Я не помню характера каждой дѣвочки, но отлично зато помню ея походку.

У Памелы была благородная поступь, безъ величавости и особой сосредоточенности въ движеніяхъ. Уголки губъ ея чуть-чуть выдавались впередъ, а нижняя губа слегка оттопыривалась. Плечи образовывали одну прямую линію, бедра были едва замѣтныя. Немного курносая, съ большими, свѣтлыми глазами и красивыми бровями она производила впечатлѣніе стройной, красивой, скромной дѣвочки.

Подъ ея присмотромъ мы провели счастливый годъ. Часто вспоминали Бланку, по которой она тосковала не менѣе насъ. Центромъ нашего вниманія, въ особенности лѣтомъ, была Вѣра, на которую мы всѣ молились. Я стала служить предметомъ зависти съ тѣхъ поръ, какъ Вѣра предпріяла однажды со мною продолжительную прогулку, во время которой мы не обмѣнялись почти ни единымъ словомъ. Мы дошли до конца парка, гдѣ начинаются уже заросли, камыши и болота. Мы очутились передъ высокой стѣной, надъ которой опускались

вѣтви рябины, росшей по ту сторону. Мы долго безмолвно простояли на этомъ мѣстѣ. На обратномъ пути въ кустарникѣ мы увидѣли бѣлую козулю, которая стояла къ намъ задомъ. Почуявъ насъ, она убѣжала. Я съ удовольствіемъ подружилась бы съ ней. Я чувствовала себя одинокой возлѣ красивой, замкнутой Вѣры. Мнѣ не хватало теплаго добраго друга.

Осенью случилось такъ, какъ предсказывала Бланка. Вѣру выбрали, и всю зиму мы оставались вшестеромъ. Мы еще долго вспоминали ея искусныя танцы, гибкіе члены, красивое тѣло, ея полныя достоинства движенія, какими не обладала ни одна изъ насъ.

О маленькой Бетти я знала лишь то, что Памела учила ее играть на мандолинѣ. До весны каждую ночь Памела уходила въ театръ, пока у нея не наступилъ періодъ зрѣлости, тогда ее замѣнила Ирена. Черезъ четырнадцать дней Памела покинула насъ.

Третій годъ моего пребыванія въ паркѣ

мы были подъ присмотромъ Ирены. Послѣ ухода Памелы къ намъ привезли двухъ новыхъ дѣвочекъ, Амалію и Муалену, такъ что насъ снова стало семеро. Амалія играла на гитарѣ, Муалена на арфѣ. Но что за разница между ея мазней и мастерской игрой Вѣры.

Въ это лѣто во время вечерняго купанья утонула десятилѣтняя дѣвочка. Общими усиліями ее удалось вытащить изъ воды и положить на берегъ; но признаковъ жизни она не подавала: голова вспухла, а щеки до крови расцарапаны. Мы пробовали окликать ее по имени, но тщетно; тогда всѣ отошли отъ нея и старались смотрѣть въ противоположную сторону, чтобы не видѣть ее.

Старшая того дома, гдѣ жила эта дѣвочка, отправляясь вечеромъ на танцы въ театръ, зашла въ Бѣлый Домъ и рассказала о случившемся. На завтра, когда мы снова пришли купаться, трупъ дѣвочки былъ уже убранъ.

Когда на слѣдующую зиму Иренѣ нельзя было больше танцовать, ее замѣнила Мелузина. Ей было всего одиннадцать лѣтъ, и она была, такимъ образомъ, годомъ моложе всѣхъ другихъ дѣвочекъ въ театрѣ. Она оставалась нашей надзирательницей въ теченіе двухъ лѣтъ.

Послѣ ухода Ирены, къ намъ привезли дѣвочку по имени Варвара. Теперь насъ было: Мелузина, Филисса, я, Бетти, Амалія, Муалена и Варвара. Мелузина учила Варвару играть на цимбалахъ. Филисса, Бетти и я очень подружились. По вечерамъ мы танцовали втроемъ и до прихода Мелузины изъ театра дѣлились другъ съ другомъ своими впечатлѣніями отъ уроковъ Зимбы и Кайрулы.

Однажды, въ свѣтлый зимній вечеръ, мы дошли по глубокому снѣгу до воротъ парка. Это была высокая желѣзная рѣшетка сверху кругомъ позолоченная. Сквозь рѣшетку видна была до поворота улица съ двумя рядами домовъ по обѣ стороны. На

одной изъ стѣнъ сидѣла ворона и каркала. Бетти хотѣла открыть ворота, но они оказались запертыми тяжелымъ засовомъ.

Осенью, во второй годъ старшинства Мелузины, насталъ для меня и для моихъ одноклассниковъ знаменательный моментъ выборовъ. Я не питала ни малѣйшей надежды. Лора же, наоборотъ, явно рассчитывала и надѣялась на эту честь. Одаренная отъ природы многими преимуществами—гибкимъ тѣломъ, бѣлоснѣжной кожей, выразительными чертами лица, красивыми руками и ногами—, она, кромѣ того, прилагала все усилія, чтобы еще увеличить свои достоинства. Четыре года упражненій придали ей тѣлу такую подвижность, что трудно было представить себѣ позу, которой она не могла бы принять. При всемъ томъ она не зазнавалась и была съ нами любезна и обходительна. Только три дѣвочки еще могли конкурировать съ ней: Ирисъ, Діотима и Зельма.

Во время нашего урока у Зимбы вошли

въ залъ двѣ дамы въ сопровожденіи Кайрулы, которая изъ кожи лѣзла вонъ, чтобы выказать имъ свою любезность и преданность; Зимба же оставалась неизмѣнно спокойной. Мы должны были раздѣться. Какое странное чувство! Хотя мы и привыкли видѣть другъ друга голыми, но ни одна изъ насъ за все время своего пребыванія въ паркѣ не раздѣвалась передъ взрослыми. Разницы, положимъ, большой не было, такъ какъ во время танцевъ платица наши развѣвались кверху, и мы, нисколько не стѣняясь, ходили на рукахъ. Но сами мы этого не видѣли, и всегда все же оставалось чувство, что мы въ платѣ. Теперь же, когда мы раздѣтыми стояли по срединѣ зала, я отлично видѣла какъ всѣ покраснѣли, мигали глазами и кусали себѣ губы. Чулки и ботинки тоже надо было снять, и все это положить на диванъ.

Всѣхъ поочередно стали вызывать по имени. Когда очередь дошла до меня, я почувствовала шумъ въ ушахъ, въ глазахъ

моихъ потемнѣло. Упираясь въ бока руками и изогнувъ назадъ локти, я должна была прогуляться медленнымъ шагомъ по залу, потанцовать, но такъ мало, что не успѣла еще разойтись, а потомъ сыграть что-нибудь по собственному выбору. Я положительно не помню, что играла. Послѣ осмотра, дамы вызвали по имени Діотиму, Фанни, Олимпію и Зельму. Онѣ снова осмотрѣли ихъ съ ногъ до головы, ощупали ихъ мускулы, руки и ноги, изслѣдовали зубы, волосы, глаза, ногти. Продѣлавъ все это съ Зельмой, онѣ ее отправили и вызвали Ирисъ, которую осмотрѣли съ той же тщательностью и сравнивали съ Олимпіей. Теперь только я замѣтила, какая красивая дѣвочка—Олимпія! Хотя и самая младшая среди насъ, она ростомъ была выше всѣхъ. И Ирисъ дамы отослали обратно и вызвали Лору.

Она вышла безъ кровинки въ лицѣ, но держала себя молодцомъ и, казалось, весьма охотно подвергалась осмотру. Ей велѣ-

ли показать зубы; она поджала губки и сверкнула изъ своихъ глубокихъ голубыхъ глазъ такимъ огненнымъ взоромъ на ту даму, отъ которой исходило это приказаніе, что та была поражена и обратилась съ замѣчаніемъ къ своей спутницѣ.

Тѣло Лоры, казалось мнѣ, возмущалось этимъ унижительнымъ осмотромъ, и съ тѣмъ большей гордостью выставляло на показъ свою красоту.

Дамы забрали съ собой Діотиму, Олимпію, Фанни и Лору въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ были; остальные дѣвочки снова одѣлись и продолжали свои обычныя упражненія.

Ночью мнѣ приснилась Лора. Она была въ длинномъ красномъ пальто. Сотни дѣвочекъ стояли шпалерами. Она проходила между ними. Лора была уже совсѣмъ взрослой и еще болѣе красивой; въ волосахъ у нея были воткнуты цвѣты. Возлѣ нея былъ маленькій мальчикъ, котораго она нѣжно къ себѣ прижимала. Когда она поровнялась со мной, я нагнулась, чтобы посмотрѣть маль-

чику въ глаза. Морни!! Не успѣла я выпрямиться, какъ Лоры уже не было, и Морни стоялъ одинъ. Но мы съ нимъ не поладили: долго о чемъ-то спорили и опечаленные разошлись въ разныя стороны.

Въ серединѣ зимы Мелузина, послѣ двухъ лѣтъ ежевечернихъ танцевъ въ театрѣ, вернулась однажды домой и сказала, что не должна больше танцевать. Ее замѣнила Филисса, очень славная, веселая и гибкая дѣвочка. Жаль, что она была блондинкой. Это было единственнымъ, что мнѣ въ ней не нравилось. На третью ночь она вернулась изъ театра со шрамами на ногахъ. Она рассказала, что ихъ причинила ей Зимба. Онѣ ставятъ такую вещь, въ которой Зимба каждый разъ должна по пьесѣ одну изъ нихъ побить, и такъ какъ она, Мелузина, самая младшая, ей досталась эта роль. Вещь эту онѣ будутъ ставить до весны, но ее это не огорчаетъ: тѣмъ лучше потому танцуешь. Каждый вечеръ театръ переполненъ, и, когда дѣло доходить до этого мѣ-

ста, весь театр уже напередъ напряжень. Послѣ этого на нее возлагають корону, одѣвають въ дорогое платье и носятъ кругомъ на золотомъ тронѣ.

Весной ушла Мелузина, и къ намъ принесли Лидію. Надзоръ надъ нами перешель къ Филиссѣ. Все шло великолѣпно подъ ея управленіемъ. Съ перваго же дня она стала учить Лидію играть на цимбалахъ, и обѣ онѣ поднимали иногда такой шумъ, что слышно было за версту отъ парка. Она была въ обращеніи съ маленькой строга и даже груба, но все выходило у нея такъ, что Лидію это только забавляло.

Такъ какъ Филисса должна была теперь удѣлять свое вниманіе всѣмъ поровну, то я больше дружила съ Бетти, которой нужень былъ всегда челоувѣкъ, съ кѣмъ бы она могла обмѣниваться впечатлѣніями. У нея выходили неприятности съ Кайрулой, которая предпочитала другую дѣвочку, игравшую на мандолинѣ гораздо хуже ея. Впослѣдствіи она влюбилась въ одну изъ своихъ однолѣтокъ,

которая умѣла, заложивъ ноги за голову, охватить ихъ локтями, а руками передъ собой играть на мандолинѣ. Кромѣ того, она умѣла, заложивъ ноги за голову, ходить на рукахъ, такъ что вся она имѣла видъ блуждающей звѣзды.

Однажды вечеромъ Бетти вернулась домой внѣ себя отъ негодованія: у нихъ были выборы, и ни ее, ни блуждающую звѣзду не выбрали. Эта честь досталась какой-то противной дѣвчкѣ съ длиннымъ носомъ и воловьими глазами. Единственное, что въ ней было человѣческаго, это—ноги.

Наступила снѣжная зима. Дороги занесло снѣгомъ. Филисса вернулась какъ-то домой и сказала мнѣ, что я должна сегодня пойти съ ней.

У меня забилося сердце. Мы укутались въ пальто и оставили домъ. Ни зги не видать было. Филисса взяла меня за руку и тащила за собой. Ей было знакомо каждое мѣстечко, и она помогла мнѣ миновать всеъ лужи. Не смотря на это, когда мы пришли въ Бѣлый Домъ, я по колѣно была въ грязи.

Вестибюль былъ ярко освѣщенъ. Въ уборной я стянула съ себя ботинки и чулки, и какая-то старая женщина вымыла мнѣ ноги. Кругомъ сидѣли дѣвочки, которыя здоровались съ Филиссой. Онѣ кидали на меня косые взгляды и говорили о моихъ ногахъ.

Филисса сказала мнѣ, что я должна буду танцовать въ костюмѣ крестьянки. Она подвела меня къ дѣвочкамъ, у которыхъ были тѣ же роли, и предоставила меня самой себѣ. Насъ было пять крестьянокъ и межъ ними одна солистка, которая и была отмѣчена на программѣ. Мы раздѣлись, вынули изъ шкафа свои костюмы, которые были очень несложны: синія или красныя юбочки, спускавшіяся отъ талии до колѣнъ, деревянные башмаки, стучавшіе по полу. Волосы мы заплели въ косы.

Въ этотъ вечеръ давали „Принца Комаровъ“, авторомъ котораго былъ Адамари; съ нимъ я познакомилась десять лѣтъ спустя, когда мнѣ было двадцать два года, и многимъ была ему впоследствии обязана.

Дѣйствующія лица:

Гехи-Бимбимъ, старый колдунъ.

Ада, его дочь.

Принцъ Леоноръ.

Треморъ, лейбъ-медикъ.

Каммергеръ фонъ Гейдебодъ.

Виннифредъ, придворная дама.

Лина, крестьянка.

Тутось, комаръ-мужчина,

Аретуза, комаръ-женщина.

Каммергеры, придворныя дамы, крестьянки и комары.

Вся уборная мало-по-малу наполнилась дѣвочками, переодѣвавшимися въ свои костюмы. Зимба стояла среди насъ и за всѣмъ наблюдала. Я едва узнала ее. Она играла стараго колдуна. На ней былъ длинный весь въ складкахъ бѣлый съ желтымъ балахонъ, сверху донизу испещренный іероглифами. На головѣ остроконечная высокая бѣлая шапка; брови ея были выкрашены въ бѣлый цвѣтъ, а съ подбородка спускалась внизъ длинная

бѣлая борода. Она курила темную гаванну и держала въ рукахъ заколдованный жезлъ.

Когда мы всѣ крестьянки были уже одѣты, мы сгруппировались въ углу возлѣ старой женщины, которая накладывала намъ всѣмъ по очереди густую красную краску на щеки. Въ это время вошли придворныя дамы и среди нихъ Гейди, которая танцевала уже съ осени. Придворныя дамы были въ бѣлыхъ атласныхъ ботинкахъ и бѣлыхъ кисейныхъ юбочкахъ, спадавшихъ отъ талии до ногъ; черезъ плечи двѣ кисейныя полосы, въ волосахъ бѣлые султаны. Комары и каммергеры были уже совершенно готовы.

Среди танцовщицъ, гордо задравъ головы, расхаживали солистки: Франциска, самая высокая дѣвочка, игравшая Леонора, вся въ красномъ трико, въ длинной бѣлой мантии и съ голубымъ баретомъ на волосахъ; Розальва, игравшая его будущую супругу, дочь стараго колдуна, въ длинномъ, бѣломъ, золототканномъ шелковомъ платьѣ.

Все время, пока мы гримировались, до-

носился къ намъ изъ театра какой-то глухой шумъ. Одна изъ дѣвочекъ объяснила мнѣ, что это подземная электрическая дорога, по которой публика съѣзжается изъ города сюда въ театръ. И мы будто тоже находились подъ землей. Уборная однимъ концомъ граничила съ Бѣлымъ Домомъ, а другимъ упиралась въ театръ. А оттуда короткій узкій ходъ велъ на сцену.

Когда всѣ были окончательно готовы, Зимба всѣхъ осмотрѣла. Мы шеренгой выстроились въ рядъ во всю длину уборной: сначала солистки, затѣмъ каммергеры, придворныя дамы, комары и, наконецъ, крестьянки, среди которыхъ я стояла самой послѣдней. Зимба обошла всѣхъ насъ спереди и сзади. Послѣ этого шествіе черезъ длинный, темный проходъ двинулось къ театру.

Еще и сегодня я живо помню, какъ сильно поразилъ меня внезапный топотъ сотенъ ногъ надъ нашими головами и долетавшій до насъ гулъ голосовъ. Мы находи-

лись въ темномъ корридорѣ, который кру- жась снизу велъ на сцену. Мы стояли молча отдѣльными группами другъ возлѣ друга.

Филисса велѣла мнѣ слѣдить за тѣмъ, что будутъ дѣлать другія крестьянки, и подра- жать имъ во всемъ.

Съ нашего мѣста видны были только бѣ- лья ступеньки, которыя со всѣхъ сторонъ вели къ сценѣ.

Шумъ сразу былъ заглушенъ рѣжущей ухо музыкой. Гулъ все же продолжался и, когда музыка прекратилась, онъ казался еще громче. Вдругъ раздался звонокъ, все сразу затихло, опять началась музыка, и мы со всѣхъ сторонъ стали подыматься по ступенькамъ и расположились около рампы.

Сначала шелъ танецъ комаровъ. Но въ этотъ вечеръ я его не видала, такъ какъ съ непривычки свѣтъ ослѣпилъ меня. Мы лежали ярко освѣщенные со всѣхъ сторонъ: сверху рефлекторомъ, вдѣланнымъ въ сере- дину потолка, а снизу рядомъ лампочекъ расположенныхъ возлѣ первыхъ рядовъ кре-

сель. Музыка раздавалась съ верхней галереи. Мѣста для публики, поднимавшіяся со всѣхъ сторонъ амфитеатромъ, были отдѣлены рѣшеткой и погружены во мракъ, такъ что мы даже не могли различить, заняты ли они или нѣтъ. Никто изъ насъ ни разу не видѣлъ ни одного лица изъ публики. Мы только слышали выраженія одобренія во время дѣйствій, и несмолкаемую болтовню, крики и звонъ стакановъ во время антрактовъ.

Комары исчезли за исключеніемъ двухъ, которые кружились по сценѣ, пытаясь поймать другъ друга. Это были Тутось и Аретуза. Локтями они приводили въ движеніе узкія, длинныя крылышки изъ прозрачной бумаги. Прозрачными были также и ихъ костюмы изъ чернаго тюля, подъ которымъ просвѣчивали голыя ноги. Это былъ своего рода мѣшокъ, сковывавшій ноги такъ, что онѣ могли дѣлать лишь очень маленькіе шажки. Онѣ носили на головѣ золотыя кольца съ длинной гнущейся, цвѣта крови

иглой. Вся сцена была покрыта зеленымъ плюшемъ, изъ котораго выростала тонкая яблоня. Вокругъ этого дерева танцовали комары, пока они, наконецъ, не поймали другъ друга и стали съ опущенными крыльями въ сердечныхъ объятіяхъ.

Зданіе, положительно, сотрясилось отъ рукоплесканій и криковъ „браво.“

Въ этотъ же моментъ поднялись мы, крестьянки, со ступенекъ и, стуча деревянными башмаками по ярко освѣщенной рампѣ, вступили на плюшевый коверъ; а съ противоположной стороны вошелъ принцъ Леоноръ съ ловушкой для бабочекъ въ рукѣ. Сначала онъ отогналъ комаровъ другъ отъ друга, затѣмъ онъ поздоровался съ нами, жаль намъ руки и всѣхъ по очереди цѣловалъ. Комары, воспользовавшись моментомъ, снова нашли другъ друга; принцъ опять спугнулъ ихъ и сталъ ихъ ловить. Мы, крестьянки, помогли ему. Первымъ онъ поймалъ Тутоса, комарамужчину и, крѣико держа его за крылья, послалъ двоихъ изъ насъ за клѣткой. Тѣ принесли

изъ корридора большую деревянную клѣтку съ золотой рѣшеткой, и принцъ Леоноръ заключилъ въ нее комара. Затѣмъ онъ поймалъ Аретузу и послалъ одну изъ насъ за булавкой. Посланная вернулась съ булавкой длиною въ руку. Принцъ вонзилъ ее въ кисею подъ животомъ дѣвочки, игравшей Аретузу, и на глазахъ ея плѣннаго возлюбленнаго пригвоздилъ ее къ яблонѣ. Аретуза нѣкоторое время била крыльями, потомъ закатила глаза и умерла. Леоноръ обнялъ Лину, солистку изъ крестьянокъ, и медленно потащилъ ее силой къ клѣткѣ подъ яблоней... Тамъ они легли на траву, и своей широкой мантией онъ покрылъ себя и дѣвочку. Мы же остальные взяли за руки и окружили хороводомъ.—Комарь-мужчина забился въ клѣткѣ.

Театръ снова наполнился шумомъ и крикомъ „браво“.

Теперь являются старый колдунъ Гехи-Бимбимъ и его дочь Ада.

Принцъ отсылаетъ всѣхъ насъ, не исклю-

чая и своей возлюбленной, пожимаетъ руку колдуну, опускается на колѣни передъ его дочерью, объясняется ей въ любви и, какъ свадебный подарокъ, предлагаетъ ей клѣтку съ комаромъ. Ада умоляетъ своего отца о согласіи, тоже опускается на колѣни и колдунъ благословляетъ ихъ.

Этимъ кончается первый актъ.

Мы, крестьянки, во время послѣдней сцены снова легли возлѣ рампы на верхнія ступеньки лѣстницъ, идущихъ вокругъ сцены. Публика перваго ряда видѣла насъ какъ разъ передъ собой. Два низкихъ, хриплыхъ голоса, впервые услышанные мною голоса мужчинъ, критиковали мои ноги. Вдругъ меня обуялъ смертельный ужасъ: девяностысячъ башмакъ упалъ у меня съ ноги и соскользнулъ внизъ по ступенькамъ. До конца акта я боялась шелохнуться. Когда музыка замолкла, всѣ снова потянулись въ корридоръ—подъ сценой. Лишь три года спустя я въ первые посѣтила этотъ театръ въ качествѣ зрительницы съ другомъ моимъ и

защитникомъ Фабіаномъ. Тутъ я узнала, что сборъ съ этихъ представленій идетъ на покрытие расходовъ по содержанию парка. Мы занимали какъ разъ тѣ же мѣста, гдѣ сидѣли тогда тѣ два господина, которые занимались критикой моихъ ногъ. Эти мѣста стоили по тридцать кронъ. Мы бы чаще посѣщали этотъ театръ, если бы средства намъ позволяли.

Кругъ, образывавшій сцену, во время антракта опустился внизъ и затѣмъ, готовый къ слѣдующему акту, снова поднялся.

Раздался звонокъ, загремѣла музыка, и мы расположились опять около рампы. Теперь на сценѣ стояла золотая кровать, передъ ней длинный сервированный столъ, сзади другой столъ, на которомъ стояла клѣтка. Въ ней находился пойманный комаръ-мужчина Тутось. Полъ былъ устланъ турецкимъ ковромъ.

Затѣмъ на сцену появляется свадебный кортежъ съ принцемъ Леоноромъ и красавицей Адой во главѣ; за ними колдунъ

Гехи-Бимбимъ; затѣмъ камергеръ фонъ Гейдебодъ съ придворной дамой Виннифредъ подъ руку. Шествіе замыкали остальные камергеры и придворныя дамы. Дѣвочки, игравшія камергеровъ, были одѣты въ розовые чулки, черныя ботинки съ пряжками, чернѣйшій фракъ, застегнутый въ талии, изъ подъ котораго виднѣлись бѣлый жилетъ съ большимъ вырѣзомъ на груди, стоячіи воротникъ и бѣлый галстукъ. Придворныя дамы были декольтированы спереди и сзади до пояса, а черезъ бѣлую кисею ихъ платьевъ просвѣчивало все тѣло. Всѣ гости безъ исключенія были въ лайковыхъ перчаткахъ.

Общество сѣло за столъ. Старый колдунъ отказался отъ всѣхъ яствъ и курилъ свою гаванну. Послѣ трапезы поднялись камергеры и придворныя дамы и водили хоро-воды. Затѣмъ старый колдунъ, а за нимъ и всѣ остальные гости откланялись. Остались только молодые и двѣ придворныя дамы, которыя раздѣли сначала невѣсту и уложили ее въ кровать, а затѣмъ то же

самое продѣлали и съ принцемъ. Какъ онъ, такъ и принцесса носили кружевные сорочки, прикрывавшія ихъ наготу.

Придворныя дамы удалились, музыка наигрывала сладкую мелодію, и въ публикѣ нѣсколько разъ раздавалось „браво“. Молодые лежали подъ краснымъ шелковымъ одѣяломъ. Когда публика успокоилась, принцъ вскочилъ, стащилъ красавицу Аду за волосы съ постели и потащилъ ее къ золотой клѣткѣ. Тутъ онъ выпустилъ комара и заперъ туда свою супругу. Онъ ушелъ со сцены, вернулся съ одной изъ придворныхъ дамъ, снялъ съ нея ея бѣлыя атласныя ботинки и, не раздѣвая ее дальше, легъ съ ней въ кровать. Молодая же супруга его забила въ клѣткѣ, какъ безумная. Принцъ натянулъ на себя и на придворную даму красное шелковое одѣяло, и публика зарычала отъ удовольствія.

Между тѣмъ комаръ кружась вскочилъ на кровать. Принцъ Леоноръ отгонялъ его носовымъ платкомъ. Комаръ жужжалъ по

сценѣ и ждалъ, пока они оба уснутъ. Тогда онъ медленно подлетѣлъ къ кровати, наклонился надъ придворной дамой и вонзилъ въ нее черезъ шелковое одѣяло свою иглу. Придворная дама съ крикомъ проснулась, а комаръ отлетѣлъ. Принцъ, котораго разбудилъ ея крикъ, хотѣлъ еще разъ поцѣловать свою возлюбленную, но наткнулся на сопротивленіе. Тогда онъ стащилъ ее съ кровати и замѣтилъ, что у нея вспухшій животъ. Чтобы представить эту опухоль, дѣвочка, лежа подъ одѣяломъ, засунула себѣ подъ платье маленькую подушку. Принцъ прогналъ ее и, швырнувъ ей вслѣдъ ея бѣлыя атласныя туфельки, пошелъ привести себѣ другую.

Онъ вернулся съ Линой, крестьянкой съ длинными косами въ голубой юбочкѣ и деревянныхъ башмакахъ. Она должна была сбросить съ себя юбочку; затѣмъ принцъ поднималъ ее, такъ что деревянные башмаки упали сами съ ея ногъ, положилъ ее на кровать, легъ рядомъ и накрылъ себя и ее

одѣяломъ. Новый взрывъ одобренія раздался по всѣмъ рядамъ. Супруга принца снова забила въ клѣткѣ, музыка играла что-то торжественное, а принцъ съ крестьянкой заснули въ нѣжныхъ и тѣсныхъ объятіяхъ.

Комаръ снова вспорхнулъ на кровать, наклонился надъ принцемъ и ужалилъ его черезъ шелковое одѣяло въ животъ. Принцъ проснулся, вскочилъ, прыгнулъ съ кровати и увидѣлъ подъ кружевной сорочкой, что у него вспухъ животъ, какъ раньше у той придворной дамы. Въ клѣткѣ его жена захлопала въ ладоши отъ удовольствія. Принцъ пригрозилъ ей кулакомъ, принесъ ловушку для бабочекъ, поймалъ комара и впустилъ его въ клѣтку къ своей супругѣ.

Послѣ второго дѣйствія мы снова сошли внизъ въ корридоръ. Мы, крестьянки, во второмъ актѣ не принимали участія въ дѣйствіи, только лежали на ступенькахъ и давали возможность публикѣ первыхъ рядовъ любоваться нашимъ полуобнаженнымъ тѣломъ и икрами.

Франциска, игравшая принца, была для меня загадкой. Она, такъ же, какъ и я, видимо не понимала смысла того, что представляла; понятно намъ было только, что спать вдвоемъ въ одной кровати было воспрещено. Это и объясняло намъ неистовый восторгъ публики. Франциска же такъ живо, такъ умѣло передавала свою роль, что изумленію моему не было границъ. Вотъ она выходитъ изъ уборной. Я не смѣю взглянуть на нее. Она снова переодевалась, сохранивъ подъ краснымъ трико свой вспухшій животъ; повертѣлась передъ зеркаломъ, затѣмъ прошла своей граціозной походкой мимо насъ и нашла придворную даму Виннифредъ, которой тоже нужно было сохранить свой вздутый животъ для послѣдняго акта.

Раздалась музыка, и мы снова поднялись на ступеньки. Декорація осталась та же. Ада, дочь колдуна, все еще сидѣла съ комаромъ въ клеткѣ. Принцъ Леоноръ посылаетъ своего камергера фонъ Гейдебодъ за

лейбъ-медикомъ, который, собственно говоря, представлялъ собой чучело: блѣдная, какъ мѣль, голова съ черной бородой, прикрѣпленная къ косому бруску, съ котораго спадалъ длинный таларъ. Подъ таларомъ сидѣла самая маленькая дѣвочка и просовывала свои худенькія ручки въ его длинные черные рукава. Принцъ показываетъ лейбъ-медику на свой животъ и животъ придворной дамы и проситъ его помочь имъ. Лейбъ-медикъ покачалъ своей блѣдной головой и пожалъ плечами. Тогда принцъ выводитъ свою супругу изъ клѣтки, поднимаетъ ей сорочку и показываетъ лейбъ-медику, что у нея нормальный животъ, не смотря на то, что она всю ночь провела вмѣстѣ съ комаромъ. Лейбъ-медикъ рѣшается на операцію, приноситъ крюкъ, вбиваетъ его принцу въ животъ и вертитъ имъ. Но и это не помогаетъ. Тогда принцъ выхватываетъ свою саблю и отрубаетъ лейбъ-медику голову, которая скатывается по сценѣ, и лейбъ-медикъ падаетъ. Принцъ

бѣжить за головой и ногой отшвыриваетъ ее въ воздухъ такъ, что она падаетъ въ публику около ложъ въ четвертомъ ряду. Затѣмъ принцъ все еще съ крюкомъ въ животѣ кладетъ свою жену въ кровать, подмигиваетъ камергеру фонъ Гейдебодъ и предлагаетъ ему лечь рядомъ съ ней.

Тутъ входитъ старый колдунъ Гехи-Бимбимъ съ дымящейся гаванной во рту. Дочь его съ плачемъ кидается ему на шею. Колдунъ требуетъ отъ принца объясненій. Но принцъ беретъ его за руку, подводитъ къ клѣткѣ и запираетъ его. Затѣмъ онъ стаскиваетъ сорочку со своей супруги, бросаетъ ее на глазахъ отца на полъ и приказываетъ камергеру фонъ Гейдебодъ сѣсть ей на голову, придворной жедамѣ Виннифредѣ съ вздутымъ животомъ—на ноги. Принцъ подзываетъ всѣхъ придворныхъ дамъ и велитъ имъ поочередно шагать черезъ принцессу. Затѣмъ то же продѣлываютъ камергеры въ розовыхъ чулкахъ и черныхъ ботинкахъ съ пряжками и, наконецъ,

последними—мы крестьянки. Лина предупредила меня, чтобы я, на самомъ дѣлѣ, не наступила на дѣвочку, а только поставила бы ей ногу на животъ, а другой перескочила черезъ нее; все время мы должны были громко стучать своими деревянными башмаками.

За это время старый колдунъ успѣлъ перепилить рѣшетку клѣтки своимъ волшебнымъ жезломъ и выходить изъ нея. Онъ ударяетъ имъ по ногамъ всѣхъ, не исключая и принца, такъ что всѣ остаются прикованными къ своимъ мѣстамъ; помогаетъ своей дочери встать, подзываетъ комарамужчину, отрѣзаетъ ему крылья, пускаетъ на него табачный дымъ и такимъ путемъ обращаетъ его въ человѣка. Далѣе, онъ срываетъ съ принца его мантию и трико, машетъ рукой по воздуху; со всѣхъ сторонъ слетаются комары, которые нападаютъ на принца, кусаютъ его до крови, пока онъ не умираетъ. Затѣмъ колдунъ дотрагивается своимъ жезломъ до рукъ придворныхъ

дамъ, камергеровъ, и насъ крестьянокъ, которые все время стояли безъ движенія. Всѣ вскакиваютъ и начинаютъ ходить на рукахъ вокругъ сцены. У придворныхъ дамъ при этомъ спадаютъ ихъ кисейныя платья съ талии на полъ, и въ воздухѣ мелькаютъ только ихъ ноги въ атласныхъ ботинкахъ. У дѣвушекъ, игравшихъ камергеровъ, фалды фрака спадаютъ на голову; а у насъ, крестьянокъ, деревянные башмаки слетаютъ съ ногъ, а косы тащутся по полу. Во время нашего шествія, старый колдунъ посылаетъ въ кровать свою дочь и вновь сотвореннаго имъ изъ комара мужчину.

Когда я возвращалась изъ театра, шель густой снѣгъ, дорога блестѣла. Я шла, не чувствуя подъ собою ногъ. Вошла въ спальню и зажгла огонь. Какъ странно мнѣ было видѣть спокойно спящихъ дѣвочекъ! Я озябла и быстро скользнула подъ одѣяло.

Но не успѣла я еще закрыть глазъ, какъ пьеса, казалось мнѣ, продолжалась. Принцъ

отрубилъ принцессѣ голову, а комары высоко взвивались къ потолку. На слѣдующее утро мнѣ было какъ-то не по себѣ, я отвратительно себя чувствовала.

„Принцъ Комаровъ“ шелъ двѣсти разъ подъ рядъ. Въ послѣднихъ тридцати представлѣнiяхъ я играла камергера фонъ Гейдебодъ. Когда однажды вечеромъ я стояла въ своемъ фракѣ на ступенькахъ возлѣ перваго ряда, за рѣшеткой раздался голосъ:

— Тебѣ многого не хвѣтаетъ!

У меня забилось сердце. Во время антракта я рассказала объ этомъ другимъ камергерамъ, среди которыхъ были Ирисъ и Зельма. Хотя мы первые годы своей жизни и провели совмѣстно съ мальчиками, тѣмъ не менѣе никто изъ насъ не могъ мнѣ объяснить, что означала эта фраза. Такъ слѣпо танцовали мы каждую ночь свои роли, такъ мало имѣли мы представлѣнiя о томъ, что играемъ.

Когда „Принцъ Комаровъ“ пересталъ служить приманкой для публики, Зим-

ба перемѣнила пьесу на другую изъ постоянного репертуара, состоящаго изъ десятка пьесъ того же жанра, смѣнявшихъ одна другую. За это время пришлось много разучивать. Зимба посвящала этому наши послѣобѣденныя занятія въ Бѣломъ Домѣ. И только осенью пошла, дѣйствительно, новинка „Левъ болотъ“ извѣстнаго Дональда, которая привлекала публику во все время, что я танцевала.

Въ одинъ прекрасный весенній день Филисса больше не вернулась. Въ послѣднее время я мало говорила съ ней. Мнѣ казалось, что она смотритъ на меня съ завистью, сожалѣя о томъ, что ея лучшее время уже позади. Она была апатична, по цѣлымъ днямъ заставляла другихъ танцевать передъ собой, сама же почти не двигала ногой.

Въ первый же день послѣ исчезновенія Филиссы, предъ началомъ послѣобѣденныхъ занятій въ Бѣломъ Домѣ, Зимба обратилась къ намъ съ рѣчью. Она говорила такъ торжественно, какъ никогда еще. Голову под-

нявъ вверху, глаза устремивъ вдаль, она не удостоивала никого изъ насъ ни единственнымъ взглядомъ.

— Въ этомъ году, — начала она, — на каждой изъ васъ будетъ лежать тяжелая святая обязанность. Подъ вашимъ присмотромъ будутъ находиться шесть дѣвочекъ, за которыхъ вы всецѣло будете отвѣтственны. Вы отвѣчаете мнѣ за то, что онѣ будутъ танцовать и упражнять свои члены, какъ и вы это дѣлали. Я буду указывать вамъ, что нужно порицать въ дѣвочкахъ, и если онѣ не исправятся, вы за нихъ мнѣ отвѣтите. Эти дѣвочки должны хорошо себя чувствовать подъ вашимъ присмотромъ, должны все одинаково васъ любить, должны быть здоровы, веселы какъ зимой, такъ и лѣтомъ. За все это, повторяю, вы отвѣтственны.

— Въ нынѣшнемъ году, — продолжала она, не глядя на насъ, — съ вами произойдутъ большія перемѣны. Вы почувствуете шумъ въ головѣ, усталость во всемъ тѣлѣ и тяжелое настроеніе. Когда это наступитъ, сообщите мнѣ.

Сейчасъ же по окончаніи занятій, каждая изъ насъ поскорѣе побѣжала своей дорогой, каждой хотѣлось остаться одной. Слова Зимбы произвели на меня такое сильное впечатлѣніе, что мнѣ хотѣлось громко кричать. Послѣ ужина я со всѣхъ ногъ бросилась въ театръ, чтобы снова увидѣть краски, снова услышать музыку.

Семь дней спустя и Кайрула обратилась къ намъ съ подобной же рѣчью. Но ея глупыя и неизящныя выраженія вели только къ тому, что ослабили впечатлѣніе отъ рѣчи Зимбы. Она также коснулась вопроса о предстоящей съ нами перемѣнѣ, но сдѣлала это такъ таинственно и употребляла такія загадочныя выраженія, что намъ съ трудомъ удавалось подавить смѣхъ.

Такъ прошло еще нѣсколько скучныхъ, длинныхъ дней, которые я провела въ напряженномъ нетерпѣніи и ожиданіи, пока, наконецъ, разъ вечеромъ не занесли къ намъ въ спальню ящика. У меня дрожали руки, когда я его отпирала. На крышкѣ значилось

имя „Арабелла“. Увидѣвъ ребенка, я вся похолодѣла: дѣвочка смотрѣла на меня тупымъ, безжизненнымъ взглядомъ. Всю ночь напролетъ я дрожала, боясь наступленія утра, когда должна буду начать съ ней свои занятія.

Слѣдующій день былъ самымъ счастливымъ днемъ моей жизни въ паркѣ. Утромъ сидѣло съ нами за завтракомъ миленькое, сладкое созданьице съ черными локонами и голубыми глазами.

Цѣлый день мы были заняты съ ней игрой на скрипкѣ, которую оставила Бланка, и когда настало время купаться, Арабелла уже наигрывала какую то пѣсенку. Во время купанья я поддерживала ее руками надъ водой.

Когда же я впервые пошла съ ней въ Бѣлый Домъ, я ужъ гордилась ею предъ другими дѣвочками и Зимбой, и была довольна собой, какъ никогда. Преисполненная восхищенія, я говорила себѣ, что и Зимба, и Кайрула не будутъ имѣть причинъ быть

недовольными мною за эту крошку. Мнѣ было больно при мысли, что проведу съ ней лишь одинъ годъ.

Съ Бетти, Амаліей, Муаленой, Варварой и Лидіей я была очень строга и не оставляла ихъ ни минуты безъ занятій. Съ Бетти мнѣ было какъ-то особенно неудобно. Варвару, которая даже не умѣла какъ слѣдуетъ согнуть спины, въ теченіе лѣта я довела до того, что при хожденіи на рукахъ она вытягивала ноги въ струнку.

За эти шесть лѣтъ я научилась играть на всѣхъ инструментахъ, которые были въ домѣ. Съ маленькой Лидіей мы теперь играли на цимбалахъ въ четыре руки, а остальные должны были при этомъ танцовать.

Осень была великолѣпная. Еще долго послѣ того, какъ Амалія вернулась съ выборовъ, было такъ тепло, что по вечерамъ я уходила въ театръ безъ пальто.

Когда выпалъ первый снѣгъ, мы съ Арабеллой стояли на галереѣ передъ столо-

вой. На паркѣ спустились тихія сумерки. Арабелла рассказывала мнѣ про Леону, высокую дѣвушку въ бѣломъ платьѣ, державшую всегда въ рукахъ пруть, которымъ ударила ее по ногамъ. Удивительно, какъ я запомнила ея имя.

Губы у Арабеллы тихо подергивались, глаза ея безпомощно смотрѣли на меня. Я посадила ее рядомъ съ собой на перила и думала про то, что и 'я когда-то была такой же маленькой.

Разъ ночью, на обратномъ пути изъ театра мнѣ показалось, что кто-то крадется за мной. Я съ трудомъ удержалась, чтобы не оглянуться.

Это было послѣдствіемъ музыки, шума, необычныхъ костюмовъ—всего того, что я видѣла и слышала, что привело меня въ такое странное состояніе. Въ „Львѣ болотѣ“ Ирисъ играла грознаго разбойника, который похитилъ королеву и держалъ ее въ своей пещерѣ, закованной въ цѣпи. Королеву играла я. Когда разбой-

ники возвращались, меня освобождали отъ цѣпей и заставляли танцовать.

Весь слѣдующій день я думала только объ Арабеллѣ. И когда вечеромъ въ театрѣ разбойники поочередно цѣловали меня, я думала объ Арабеллѣ и только объ Арабеллѣ. Вернувшись домой, я быстро раздѣлась, чтобы сейчасъ же лечь въ кровать, но помимо воли, переминаясь съ ноги на ногу, очутилась около ея кровати.

— Будь, что будетъ,—подумала я и приподняла одѣяло.

Въ тотъ же моментъ дѣвочка открыла глаза и взглянула на меня.

— Я хотѣла пожелать тебѣ спокойной ночи,—сказала я,—спи спокойно, дитя.

Я отошла отъ нея и легла въ постель.

Проснувшись на завтра утромъ, я чувствовала сильную тяжесть въ бедрахъ и въ ногахъ. Меня словно тянуло къ землѣ. Я успокаивала себя, что это отъ холода, такъ какъ въ общемъ чувствовала себя вполне здоровой. Но къ вечеру, когда танцевала

съ Амаліей, мнѣ все стало ясно. Я побѣжала въ Бѣлый Домъ. Въ вестибюлѣ я встрѣтилась съ Зельмой. Это была удивительная встрѣча. Зимба ни о чемъ не спрашивала насъ, только пытливо смотрѣла намъ въ глаза. Затѣмъ она взяла свѣчу и поднялась въ маленькую комнату подъ крышей. Тамъ она дала намъ по куску полотна.

— Вотъ вамъ образецъ, но раньше примѣрьте, чтобы вы могли сообразовываться. Ты, Гидалла, придешь сегодня въ театръ съ Бетти, а ты, Зельма, съ Дозіей.

Когда мы съ Зельмой стояли межъ колоннъ, небо было усыяно яркими звѣздами. Зельма смотрѣла на нихъ и спросила меня:

— Какъ ты думаешь, Гидалла, тамъ за паркомъ тоже есть звѣзды?

— Я почти увѣрена, — отвѣтила я — онѣ такъ далеки!

— Теперь уже скоро узнаемъ, — сказала она.

Зельма продолжала:

— Въ театрѣ люди такъ веселы и доволь-

ны! Вѣроятно *тамъ* еще лучше, чѣмъ у насъ въ паркѣ.

— А они одѣты?—спросила я.

— Я полагаю,—сказала Зельма,—и такъ же, какъ и мы на сценѣ... Во всякомъ случаѣ, они носятъ ботинки, когда выходятъ.

— Да,—замѣтила я,—иначе чѣмъ бы они такъ стучали.

Еще долго мы разговаривали и, расставаясь, дали другъ другу слово часто видѣться, когда покинемъ паркъ.

На слѣдующій вечеръ я впервые за весь послѣдній годъ снова сидѣла со всѣми у камина. Амалія и Муалена танцовали посреди комнаты. Увидѣвъ бѣлое полотно, Арабелла спросила, что это я дѣлаю. Я вспомнила Бланку. Всѣ вечера она, казалось мнѣ, была тутъ среди насъ. Я часто подымала голову, чтобы заговорить съ ней.

Арабеллу я находила по-прежнему очаровательно-красивой, но не имѣла мужества заглянуть ей въ глаза. Теперь я бы не осмѣлилась подкрасться къ ея кровати. Я те-

перь даже и среди дня стѣснялась танцовать съ другими.

Къ этому присоединялось и кой что другое. Я сразу стала какъ-то необычайно полна въ талии и бедрахъ, и груди мои стали припухать. Я была противна сама себѣ и вездѣ казалась себѣ какъ-то не на мѣстѣ. Въ своихъ движеніяхъ я потеряла прежнюю увѣренность. Раздѣваясь, я съ неудовольствіемъ ощупывала себя и не могла примириться съ мыслью, что это—я. Съ какимъ удовольствіемъ я бы вырвала это лишнее толстое мясо и бросила бы его въ уголь! Ночью я приходила въ бѣшенство отъ того, что не могла улечься удобно своей ставшей такъ неуклюжей фигурой. Каждое утро я казалась себѣ еще болѣе чужой, чѣмъ раньше: животъ, икры, ноги, груди, губы—все какъ бы вздулось на мнѣ.

Какъ бы я хотѣла, чтобы этой перемѣны со мной не было, такъ хорошо жилось намъ въ паркѣ! Со своими сверстницами я все ближе сходилась, но тѣмъ болѣе чуждыми

становились мнѣ дѣвочки нашего дома. Хотя я и была самая старшая, но всеобщее вниманіе концентрировалось на Бетти, которая каждый вечеръ отправлялась въ театръ на танцы. Когда я входила, я чувствовала, что я здѣсь лишняя. Да и самой себѣ я казалась таковой.

Во время моихъ одинокихъ прогулокъ, когда дни становились длиннѣе, а погода теплѣе, я съ болью и грустью вспоминала тѣ времена, когда Бланка и Памела такъ заботливо и преданно обращались со мной. Теперь же нѣтъ никого, кого бы я интересовала. Арабеллы я все болѣе и болѣе чуждалась изъза ея красивыхъ глазъ и нѣжнаго, гибкаго тѣла. Я не замѣчала ее, когда она стояла передо мной. Я знала, что поступаю по отношенію къ ней несправедливо, но не могла побороть себя.

Итакъ, мой уходъ изъ парка складывался совершенно не такъ, какъ, бывало, я себѣ его представляла. Я никого не оставляла здѣсь, мнѣ нечего было терять!

Каждый разъ, когда я отправлялась въ Бѣлый Домъ на танцы, я думала, что это въ послѣдній разъ. И когда этотъ послѣдній часъ наступилъ, я уже почти потеряла надежду на него.

Это былъ пасмурный весенній день. Шелъ теплый, живительный дождь. Большинство изъ насъ было въ пальто. Намъ сразу бросилось въ глаза, что Зимба вошла въ залъ не въ своемъ постоянномъ стеклянномъ костюмѣ, а въ изящномъ черномъ шелковомъ платьѣ.

Когда мы всѣ, числомъ двадцать шесть, собрались, она повела насъ внизъ въ уборную и черезъ подземный ходъ—въ театр. Тамъ въ корридорѣ она открыла дверь, которой никто изъ насъ ни разу не замѣчалъ, и мы сошли внизъ еще по одной лѣстницѣ. Справа и слѣва были билетныя кассы; повсюду горѣли электрическія лампочки. Наконецъ, мы остановились передъ вагономъ, въ которомъ всѣ удобно размѣстились. Ко-

гда и Зимба вошла, раздался свистокъ, и мы покатали въ темноту.

IV.

Я отлично вспоминаю, какъ становилось понемногу свѣтлѣе, какъ замѣлькали стѣны, и какъ мы очутились, наконецъ, на волѣ. У всѣхъ насъ было тревожное чувство, ожиданіе чего-то особеннаго. Всѣ мы были серьезны и сосредоточенно глядѣли въ окна. Каждая про себя думала о томъ, что ей предстоитъ. Но само собой понятно, что даже приблизительно никто не догадывался о томъ необыкновенномъ сюрпризѣ, который ждалъ насъ впереди. Конечно, вполсѣдствіи все вообще легко забывается, и пережитое начинаетъ казаться вполне естественнымъ. Иначе, молъ, и быть не могло. И я увѣрена, что ни одна

изъ насъ, воспитывавшихся въ паркѣ, оглянувшись на ту пору своей жизни, не найдеть теперь ничего страннаго и экстраординарнаго въ томъ, что насъ, проведши черезъ горнило всевозможныхъ испытаній, выпустили на широкій, чуждый намъ свѣтъ совершенно безпомощными въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова. Въ этомъ-то и лежитъ главная причина того, что я рѣшилась изложить эти воспоминанія на бумагѣ. Я хочу возстановить въ памяти моихъ сверстницъ по парку тотъ страшный ужасъ, который мы всѣ представляли собой, когда мы играли въ нашемъ театрѣ для увеселенія безумной, пьяной отъ сладострастія и грубой толпы! Если только и наша дальнѣйшая жизнь не сложилась такъ прискорбно, что заставляетъ насъ и на этомъ ужасѣ смотрѣть только съ насмѣшливой улыбкой! Можетъ быть, человѣческое общество не совершило ничего несправедливаго по отношенію къ намъ, воспитавъ насъ чуждыми практической жизни и сразу потомъ при посредствѣ

шумнаго народнаго праздника въ нѣсколько дней преобразовавъ насъ въ совершенно новыя существа; можетъ быть, я совершаю преступленіе тѣмъ, что осмѣливаюсь сказать хоть слово въ защиту врожденныхъ намъ нѣжныхъ чувствъ. Но чѣмъ я становлюсь старше и уравновѣшеннѣе, тѣмъ я все меньше допускаю мысль, что свѣтъ могъ быть менѣе пошлымъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Я и не хочу вносить сейчасъ какого-нибудь проекта исправленія его; для этого, пожалуй, я, недостаточно умна, да это ни къ чему и не приведетъ! Ничего въ мірѣ все равно не измѣнится, а меня осыпали бы насмѣшками и руганью тѣ, которые никогда не задумываются даже надъ тѣмъ, что они сами пережили. Въ концѣ концовъ, меня еще признаютъ безумной и посадятъ въ сумасшедшій домъ. Этому будетъ еще благоприятствовать то обстоятельство, что моя жизнь въ болѣе зрѣломъ возрастѣ сложилась совершенно иначе, чѣмъ жизнь всѣхъ другихъ женщинъ, росшихъ и воспитывавшихся со мной въ паркѣ.

Обращаясь къ этой эпохѣ моей жизни, мнѣ, можетъ быть, вообще тяжело будетъ убѣдить читателя, что женщина можетъ вести съ обществомъ при господствующей соціальной системѣ наказаній ту борьбу, которую вела я. Между тѣмъ, эта-то невѣроятно-сложившаяся жизнь и привела меня къ убѣжденію, что вся наша человѣческая культура является пріобрѣтеніемъ сомнительнаго достоинства.

На перронѣ вокзала стоялъ въ красной фуражкѣ начальникъ станціи. Онъ почтительно поклонился Зимбѣ и улыбнулся, увидѣвъ насъ, одну за другой выльзающихъ въ своихъ бѣленькихъ платяцахъ изъ вагона. Зимба повела насъ въ станціонный залъ и спѣшно выстроила въ рядъ по росту. Передъ стеклянной дверью толпились люди, и сотни глазъ были устремлены на насъ; передъ средней дверью шелъ непрерывный споръ, такъ что полиціи съ трудомъ удавалось очистить проходъ. Зимба въ задумчивости ходила взадъ и впе-

редъ, шурша своимъ шелковымъ платьемъ. Мы разсматривали пестрые плакаты на стѣнахъ, не понимая цѣли и назначенія этихъ огромныхъ буквъ.

Меланія стояла ближе всѣхъ къ двери. Она была самая большая, но и самая худенькая среди насъ. Все же фигура у нея была сносная. Когда я ее впоследствии встрѣтила разъ въ одномъ перчаточномъ заведеніи, на ней были только кожа да кости. Гейди, съ которой я, еще будучи маленькой, сидѣла у пруда, была меньше всѣхъ ростомъ, но также кругла и полна, какъ и я. вмѣсто глазъ у нея было два черненькихъ разрѣза. Помню, въ театрѣ подымался ужасный смѣхъ, когда она только появлялась у рампы. Зимба давала ей только такія роли, гдѣ ея полная фигура была къ мѣсту.

Вдругъ снаружи раздались крики, двери распахнулись, и въ залъ вошли юноши, выстроенные, подобно намъ, по росту. Я могу поклясться, что ни одна изъ насъ,

вплоть до слѣдующаго утра не присмотрѣлась къ тому юношѣ, который ей поклонился, и которому она подала руку. Зимба обмѣнялась нѣсколькими словами съ господиномъ въ черномъ сюртукѣ, который привелъ ихъ, повернулась и пошла обратно на платформу, ни разу не оглянувшись. Я видала ее лишь еще одинъ разъ въ тотъ вечеръ, когда я съ Фабіаномъ была въ театрѣ въ паркѣ. Читатель будетъ удивляться тому странному чувству, которое вызывалъ тогда во мнѣ ея видъ: съ ногъ до головы она была въ черномъ жемчугѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя она, кажется, умерла; во всякомъ случаѣ я о ней больше ничего не слышала. Юноши взяли насъ подъ руки и повели черезъ густыя толпы людей, тѣсвившихся на троттуарѣ. Мы шли подъ звуки музыки; вначалѣ я держала голову низко опущенной и со страхомъ старалась не ступать по цвѣтамъ, которыми былъ устланъ нашъ путь. И только послѣ того, какъ меня неоднократно осыпали сверху цвѣтами, я осмѣлилась

поднять глаза, но необозримое море флаговъ меня испугало. Мы часто на перекресткахъ улицъ проходили черезъ триумфальныя арки, и каждый разъ мой спутникъ пытался завязывать со мной разговоръ. Конечно, я ни слова не поняла, какъ будто онъ говорилъ на чуждомъ мнѣ языкѣ. Къ тому же еще мѣшали оглушительные крики „браво“, раздававшіеся съ троттуаровъ, крышь и оконъ. Такъ какъ утромъ шелъ дождь, то на торцовой мостовой было очень скользко, и я бы неоднократно падала, еслибы мой спутникъ не поддерживалъ меня. Передо мной шла Ирисъ, красивое, стройное существо. Она застѣнчиво отворачивала лицо отъ своего спутника и всю дорогу смотрѣла на людей, стоявшихъ на троттуарѣ. Я вперила свой взоръ на ея чулки, которые до колѣнной впадины были обрызганы грязью, и только моментами переводила его на бѣлые штаны, голыя икры и гладкіе высокіе ботинки того юноши, который велъ ее за руку. Вдругъ вырисовался

предъ нами огромный фронтеспись капито-
лія на сѣромъ фонѣ неба. Толпы людей
такъ скучились, что мы съ трудомъ
пробирались; мы прошли мимо рядовъ сол-
датъ, юноши спереди насъ. Мы чуть не
задыхались отъ запаха цвѣтовъ, которыми
насъ осыпали, и вздохнули свободно только
тогда, когда, наконецъ, дошли до рѣшетча-
тыхъ воротъ. Когда мы снова, выстроенные
въ пары, проходили по высокому портику,
мой спутникъ нѣсколько разъ пожалъ мнѣ ру-
ку. Я взглянула на него, но тотчасъ же поту-
пила свой взоръ. Мнѣ становилось страшно при
видѣ густой толпы людей, наполнявшихъ все
уголки задняго двора, но мы безпрепятствен-
но по каменнымъ трибунамъ дошли уже до
бассейна...

Послѣсловіе.

На этихъ словахъ обрывается рукопись, которую въ тотъ вечеръ вручила мнѣ Елена Энгель. Всѣ дальнѣйшіе поиски въ ея литературномъ наслѣдствѣ не привели ни къ какимъ результатамъ: я не нашелъ ничего относящагося къ этой рукописи. Между прочимъ, одинъ молодой американецъ объяснилъ мнѣ значеніе словъ „Мине-Гага“. Это по-индѣйски означаетъ:

Живая вода.

Вышли въ свѣтъ слѣдующія изданія:

Г. Гауптманъ. „Сестры изъ Бишофсберга“, пьеса въ 5 дѣйствіяхъ, переводъ съ нѣмецкаго Э. Бескина, цѣна 50 коп.

Гансъ фонъ Каленбергъ. „Русалочка“, опытъ психологіи современной „барышни“, переводъ съ *восьмидесятой тысячи* вѣнскаго изданія подъ редакціей Э. Бескина, цѣна 50 коп.

Франкъ Ведекиндъ. „Духъ Земли“ („Лулу“, часть 1), трагедія въ четырехъ дѣйствіяхъ съ прологомъ, переводъ съ нѣмецкаго Э. Бескина, цѣна 50 коп.

Франкъ Ведекиндъ. „Музыка“, иллюстрація нравовъ въ 4 картинахъ, переводъ съ

VII - 12491

нѣмецкаго подь редакціей Э. Бескина,
цѣна 40 коп.

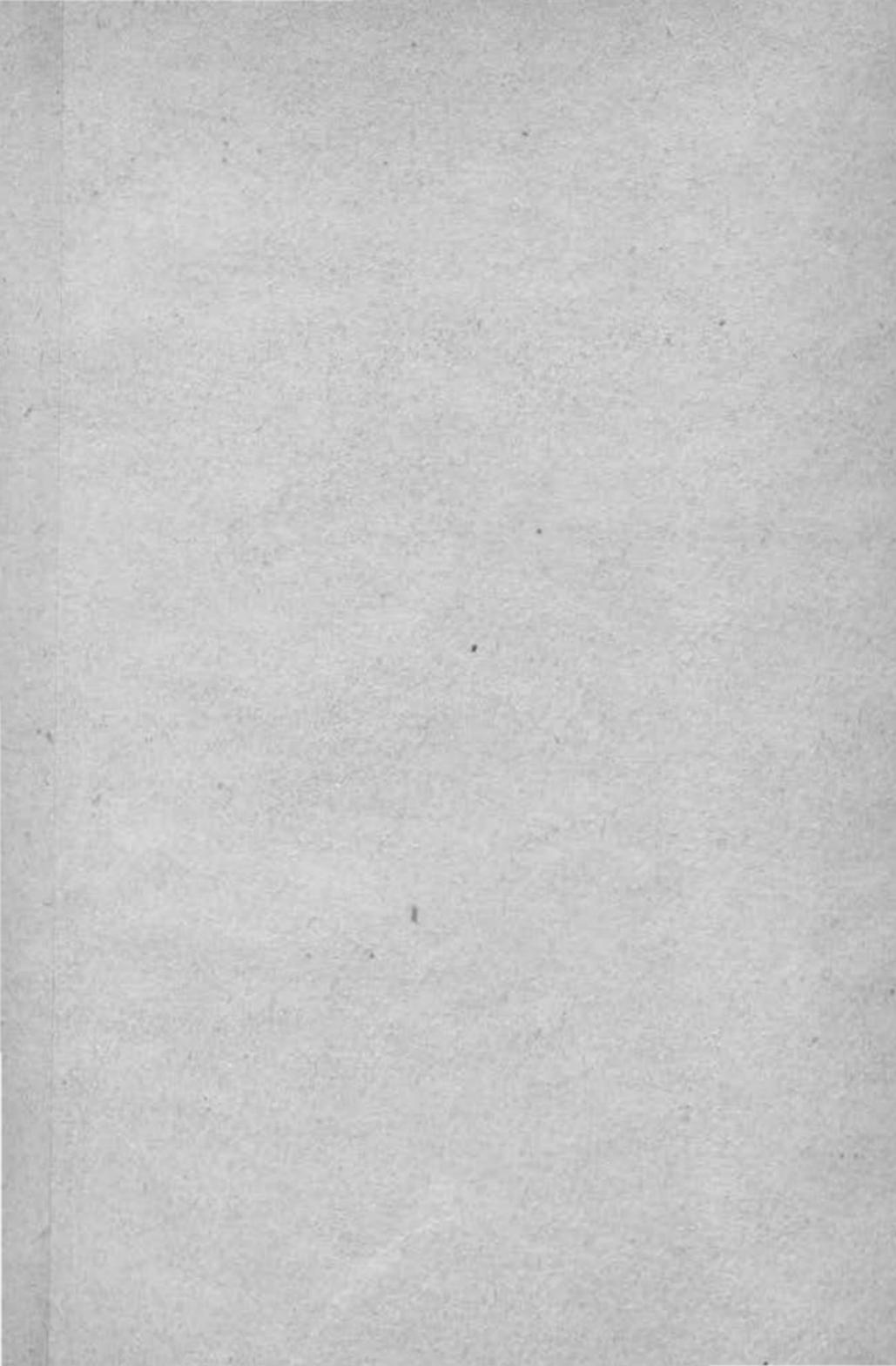
Франкъ Ведекиндъ. „Мине-Гага“, или „О фи-
зическомъ воспитаніи молодыхъ дѣвушекъ“,
переводъ съ нѣмецкаго П. Б. подь редак-
ціей Э. Бескина, цѣна 60 коп.

Печатается и на дняхъ поступить въ про-
дажу:

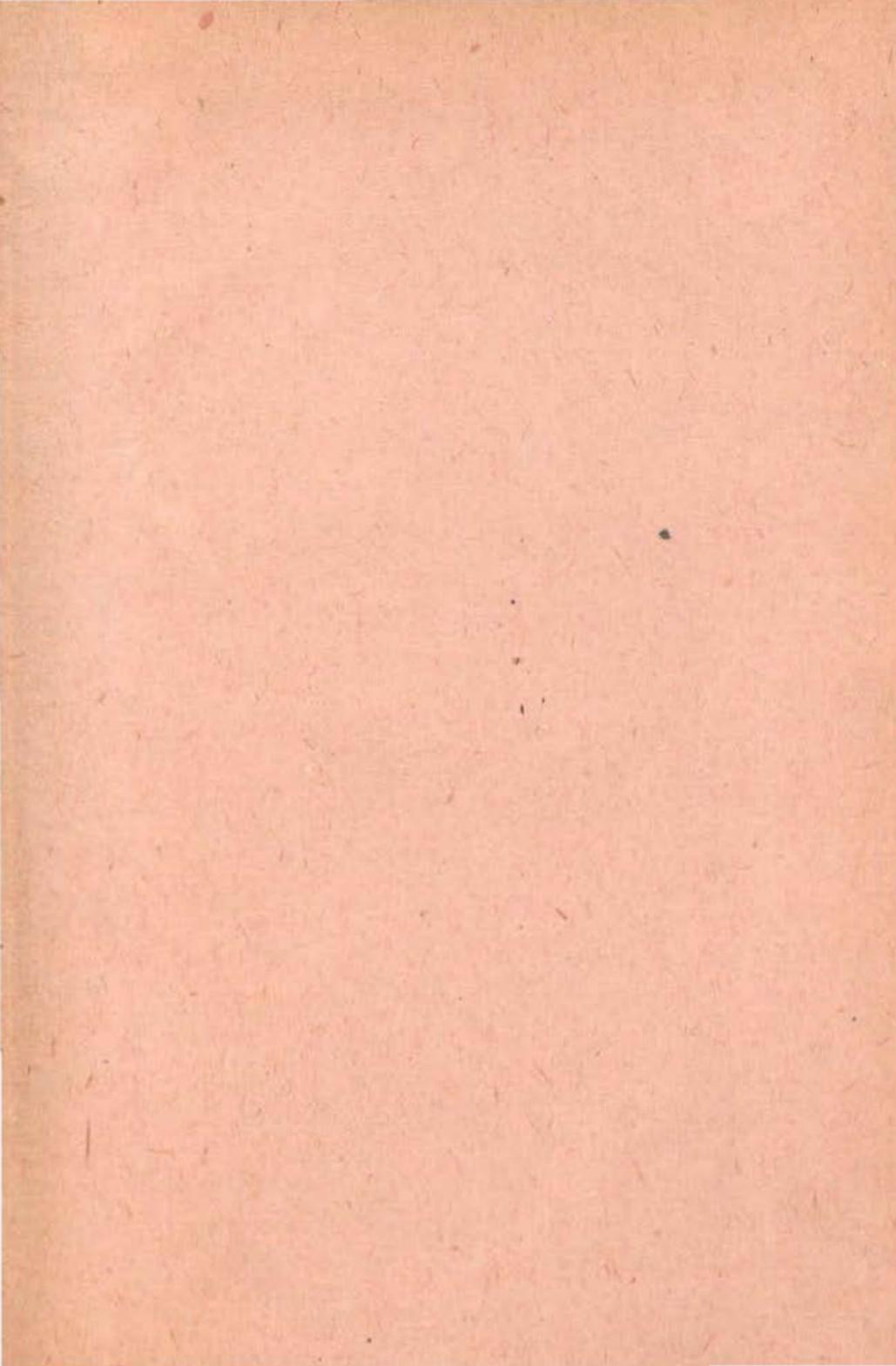
Мигуель Замокоисъ. „Шуты“, комедія въ 4
актахъ, въ стихахъ, переводъ съ фран-
цузскаго Lolo (Л. Мунштейна).

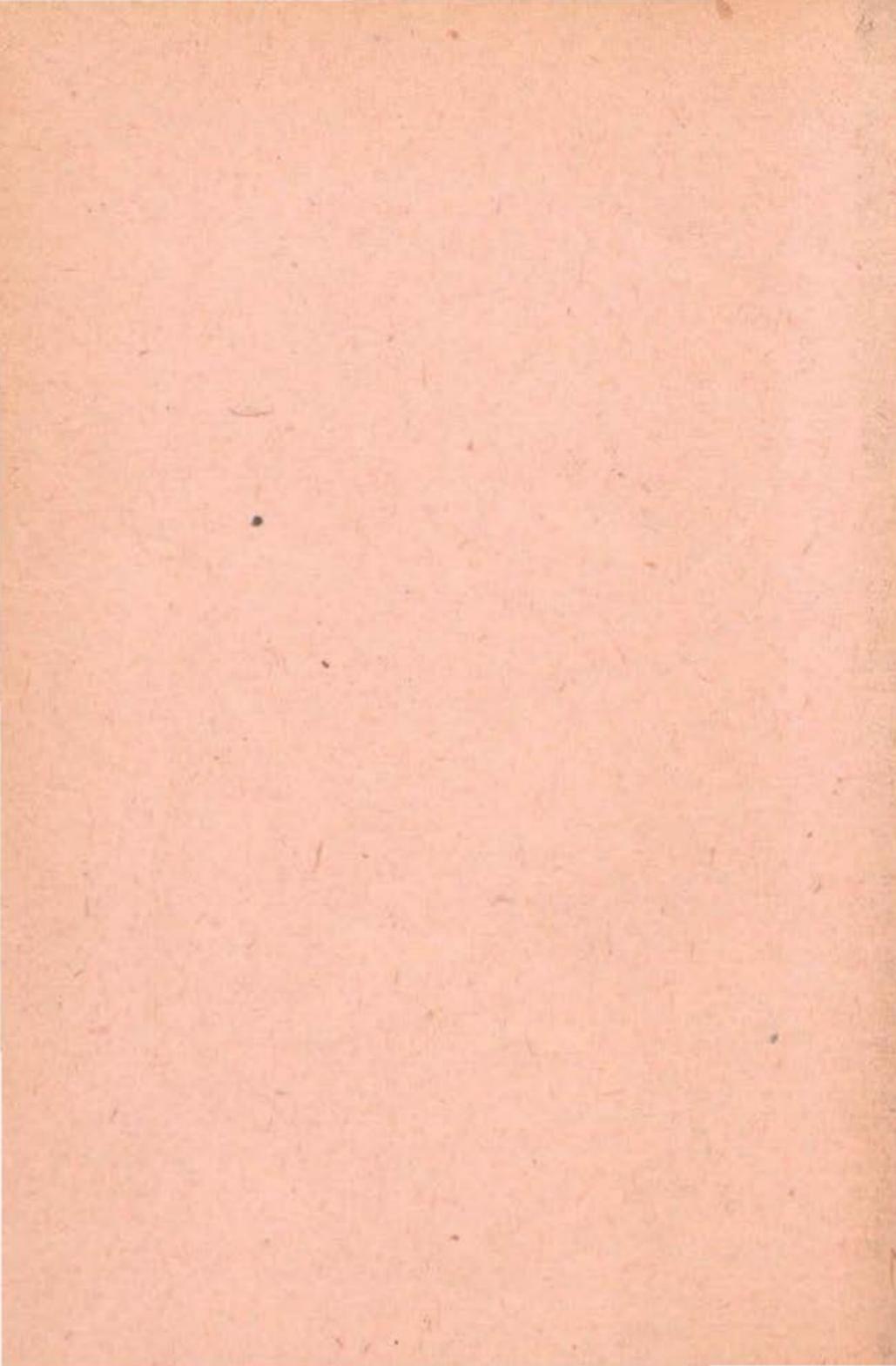
Главный складъ изданій:

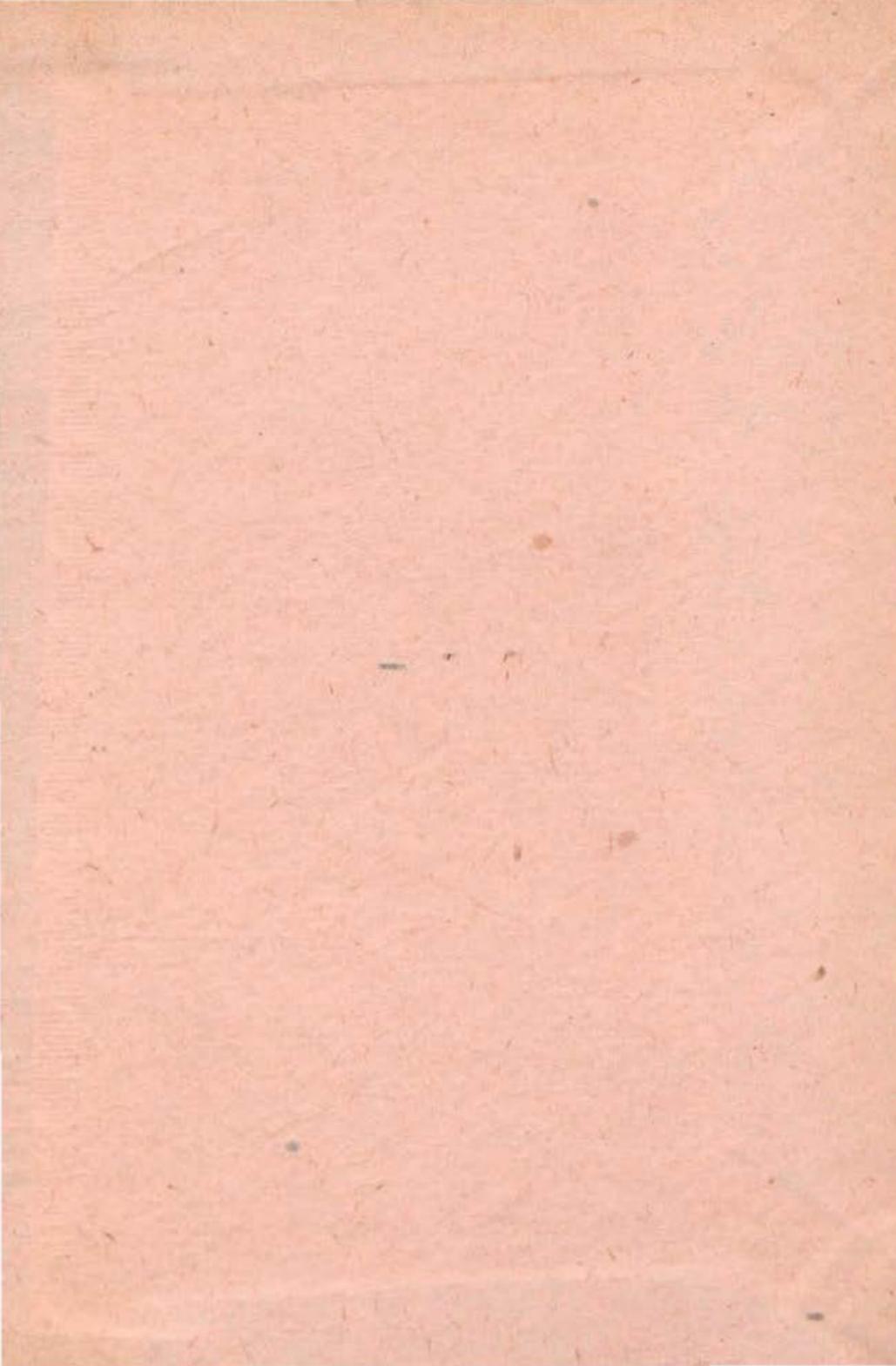
МОСКВА, Владимиро-Долгоруковская, д. Его-
рова, кв. 57.

31

2011137054